

МАЙЯ ЛИДИЯ КОССАКОВСКАЯ

СЕЯТЕЛЬ ВЕТРА

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ NAUTILUS

ПРЕМИЯ ЗЛОТУ КОТ

fanzon

Fanzon. Польская фантастика

Майя Лидия Коссаковская

Сеятель Ветра

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Коссаковская М.

Сеятель Ветра / М. Коссаковская — «Эксмо», 2006 — (Fanzon.
Польская фантастика)

ISBN 978-5-04-111766-5

В Царстве Небесном неспокойно. Ангелы любят власть еще больше, чем люди. Интриги крылатых, ревность и борьба за внимание Господа пропитали гнилью все семь Небес. Именно в этот час вспоминают пророчество о Сеятеле, несущем конец созданиям Бога, и о том, кто сможет его победить, а заговорщики решают, что самое время захватить власть. Украдена магическая Книга Разиэля, а Господь, забрав святых патриархов и Метатрона, покинул Царство. Габриэлю и его соратникам придется сражаться в последней битве и найти ответ на самый важный вопрос.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-111766-5

© Коссаковская М., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	7
Глава I	27
Глава II	48
Глава III	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Майя Лидия Коссаковская

Сеятель Ветра

Maja Lidia Kossakowska

Siewca Wiatru

Copyright © 2006 by Maja Lidia Kossakowska

© И. Шевченко, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Показать ад на небе – это немалый подвиг. Все, что Коссаковская дозировала в своих рассказах, обретает полный объем в романе. Поучительно. Ужасно. Интересно. И к черту этих ангелов».
Феликс В. Крес

Дорогие читатели!

Отдаю в ваши руки особенную для меня книгу. Она одновременно и Начало, и Конец. Этот кажущийся парадокс легко объяснить. «Сеятель Ветра» – мой первый роман, и одновременно он заканчивает «ангельскую» серию из нескольких опубликованных ранее рассказов. Он продолжает созданный мною тип героя – существа, преодолевающего свои слабости, отважного, гордого, достойного, богатого внутренне и вместе с тем скромного и способного на самопожертвование.

Многочисленные приключения на нескольких уровнях бытия он преодолевает часто ценой жертв и даже собственной сущности. Я старалась, чтобы мои герои были хорошо описаны, полны страстей: злых или добрых, но всегда ярких. Надеюсь, многочисленные приключения и атмосфера романа погрузят вас в увлекательный мир впечатлений. Познакомьтесь с большинством оттенков чувств и поступков и убедитесь сами, что симпатия не всегда идет проторенными путями, потому что ничто не однозначно.

За период с 2000 по 2003 год я опубликовала четырнадцать рассказов, из которых десять можно считать «ангельскими», и из них составлен сборник, четыре с другим персонажем и микрорассказ «Зеркало», который на референдуме читателей «Сфинкс» занял третье место среди ведущих авторов. Четыре рассказа – «Соль на голубых пастбищах», «Жернова небес», «Раскол» и «Безногий танцор» – получили номинацию читателей на премию Януша А. Зайделя, а последний рассказ получил награду «Серебряный глобус». Будучи профессиональным художником, я стремилась создать персонажей, наполненных красками, и тем самым запустить ваше воображение, а как магистр средиземноморской археологии, я старалась из крох прошлого как можно правдоподобнее построить империю и даже целый мир.

Как мне это удалось, оцените сами. С трепетом в сердце доверяю вам свой роман и надеюсь, что вы, как и я, полюбите моих крылатых друзей и врагов. В конце книги прилагаю созданный мной глоссарий, который облегчит вам идентификацию терминов и героев.

Скажу достаточно нескромно, что в целом я получаю хорошие отзывы читателей и рецензии и ничего большего не желаю для своего «Сеятеля Ветра». Большой похвалой и удовлетворением для меня является то, что, очарованный моим рассказом «Соль на голубом пастбище»,

один читатель не только научился рисовать, но и работает над комиксом и делает это просто чудесно!

Имея много новых идей, с которыми я хочу познакомить читателей, я решила попрощаться с созданным мною миром... Но, возможно, когда-нибудь еще Даймон Фрэй, Драго Гамерин и другие знакомые вернуться, чтобы рассказать мне о своих приключениях.

Майя Лидия Коссаковская

БЕЗНОГИЙ ТАНЦОР

Говорят, что во времена до Сотворения жил среди сильфов танцор, мастерство которого не имело себе равных во всей Вселенной. Телто, мать демонов, узнав про это, вызвала его к себе во дворец, чтобы развлечься его выступлением, однако через какое-то время танцор затосковал по Небесной стране и близким, с которыми вынужден был расстаться, и тайно оставил владения Телто. Мать демонов, впав в ярость, приказала поймать его и отрубить ему ноги, чтобы ни перед кем не танцевал тот, кто осмелился пренебречь ее благоволением. Однако слава танцора не угасла. Напротив, даже в далеких владениях восхваляли и поражались его искусством. Телто, думая, что ее приказ не выполнен, отправила палачей, чтобы они убили сильфа и в конечном итоге положили конец этой унижительной для нее ситуации. К своему удивлению, палачи увидели лежащего на кровати калеку, который движениями рук оживлял бумажную куклу в одежде танцора. Но прежде, чем он умер от удара меча, он сказал: «Заберите мою жизнь, коли ничего больше не смогли забрать».

«Сказания услышаны и записаны для увеселения и науки ангелом Зое из Дворца Мудрости Сиятельной Госпожи Пистис Софии – Дарительницы Знаний и Таланта»

Пролог

Ялдабаот был доволен. Огромное хрустальное окно в Комнате Сияния раскалилось и погасло, демонстрируя новую картинку – обширную территорию голых, острых, словно клинки, скал. Зеркало бледного неба блестело над его кряжами. Пейзаж был наполнен торжественной чистотой, указывающей на силу небесных хоров.

На фоне монументальных гор поначалу было трудно разглядеть бесчисленное количество движущихся фигур – одетых в пепельные и бурые туники ангелов служения. Это их титанический труд способствовал возвышению пиков, но Ялдабаот не забивал себе этим голову. Его распирала гордость. Ему нравилось осознавать, что хотя Господь и является Архитектором, но надзор над строительством сосредоточен в его руках.

«Что за прекрасный мир», – думал он, тонкими пальцами касаясь наваленных на столе чертежей и карт. Да, он, безусловно, был доволен, ведь власть, которой он располагал, не имела себе равных среди живущих.

– Это место сведет меня с ума, – произнес Даймон Фрэй. – Когда у меня в последний раз была действительно чистая рубашка? У меня такое впечатление, что я воняю, мои лохмотья смердят гнилью, а меч покрыт налетом грязи. Я скоро забуду, для чего он служит. Кое-кто считает, что он для того, чтобы колупаться в зубах. Ты осознаешь, как долго мы тут торчим?

– Четвертый год, согласно летоисчислению Царства, – буркнул Камаэль. У него было тонкое, умное лицо и глаза, известные красотой чистого неба. Длинные до скул каштановые волосы он носил зачесанными назад.

– Его прекрасный новый мир! – Даймон сдавил пальцами виски. – Он сошел с ума. Он считает себя Создателем. Он скоро захлебнется собственным достоинством. Ничтожный, тщеславный демиург. Слышал, он называет себя правой рукой Господа? По-моему, протез звучит точнее. Он выкинул нас из Царства, потому что трясется от страха. Двенадцать тысяч ангелов Разрушения надзирают за насыпью гор, копанием рвов под реки, осушением болот и за другими безнадежными, грубыми гидравлическими работами. Когда тут закончим, он прикажет нам разбить клумбы, вот увидишь!

Камаэль вздохнул. То, что сказал Фрэй, было правдой, но не оставалось ничего другого, как стиснуть зубы и терпеть.

Даймон выпил последние капли вина в бокале, что держал в руке, и наклонился, чтобы дотянуться до кувшина, стоящего в тени за камнем.

– Эй! – крикнул он характерным, хриплым и немного глухим голосом, напоминающим плеск камней, брошенных в подземное озеро. – Кувшин пустой! Или мне кажется, или я реально вижу дно?!

От ближайшей группы работающих тотчас отделилась маленькая напуганная ангелица, сгорбленная под тяжестью большого кувшина.

– Извините, господа, – плаксиво простонала она. – Простите.

В ее глазах стояли слезы. Она начала неуклюже наполнять кувшин. Даймон отмахнулся от нее.

– Я сам, – сказал он устало. – Иначе ты меня обязательно обольешь.

Она поклонилась и убежала. У вина был кислый вкус, и оно определенно принадлежало к популярному виду, называемому бормотухой. Он скривился, провожая взглядом быстро убегающую девушку-ангела.

– Как думаешь, Ялдабаот специально выбрал для нас самую отвратительную прислугу, чтобы не порождать ненужных соблазнов? – впервые с начала разговора на хищном лице Даймона появилась улыбка.

Перед Камаэлем маячил тонкий профиль друга. Не впервые ему приходила мысль, что он не хотел бы встречаться с ним в открытом бою.

Даймон спокойно цедил вино. Черные волосы, откиннутые назад, доставали до середины спины. На вытянутом лице сияли глубоко посаженные темные глаза. Его взгляд вместе с горловым голосом, который иногда переходил в неприятную хрипоту, мог вызвать дрожь даже у самых уверенных в себе.

Многие, включая Камаэля, восхищались Даймоном, но также боялись его и ненавидели. Правду говоря, сильная, тонкая рука, держащая бокал, принадлежала лучшему фехтовальщику Царства. Его происхождение также может служить источником зависти, поскольку Даймон был ангелом крови, чистой, опасной, могущественной, как Меч, которому он служил.

Мастера Меча составляли элиту рыцарства. Они были офицерами над двенадцатью тысячами ангелов Разрушения, прозванных саранчой, потому что после них оставалась только голая земля, без единой травинки. Руководил ими Камаэль, а их главной святыней был Меч, которым в Начале Времен Предвечный окончательно отделил Свет от Тьмы. Тогда были созданы первые, самые могущественные ангелы, которые должны были сразу же сделать выбор – принять сторону порядка или хаоса. Многие выбрали Тьму. Вскоре началась война, и в первых кровавых, но решительных стычках Господь сотворил своих лучших воинов – Ангелов Меча – и послал их в бой во главе саранчи. Послал в самую гущу безумства и бойни. Они заставили армию Тьмы отступить за пределы времени, но основы нового мира восстали на месте, залитом их кровью. В Царстве шептали, что это она придавала красный цвет планете Марс, а погребенное глубоко в земле железо происходило из их оставшихся на поле боя оружия и доспехов, навсегда запятнанных кровью, которую люди позже назовут ржавчиной.

Некоторые выжили. И именно их демиург Ялдабаот направил наблюдать за земляными работами в зарождающемся мире, который якобы имел особое значение в божественном плане Сотворения.

Даймон поднял бокал вверх.

– За Маршала каменщика и его непревзойденный талант творца!

Они выпили за язвительный тост. Их взгляды на мгновение встретились.

«Это продолжается слишком долго, – подумал Камаэль, видя тень горечи, затаившуюся в уголках рта его приятеля в последнее время. – Мои лучшие офицеры теряют контроль. Даже Даймон дошел до грани. Что ж, мы получили отличную награду за свое служение!»

Фрэй убрал со лба спадающие пряди. С неба лил жар, вынуждая шурить глаза. Обширная равнина, раскинувшаяся перед ними, была покрыта хаотичными раскопками, напоминающими лишайники.

«Меня тошнит от этого вида, – подумал он и постучал ногтем по краю бокала. – Может, было бы лучше, чтобы он напился? Хотя напиться таким вином – это преступление против хорошего вкуса».

– Посмотри туда! – вдруг закричал Камаэль, показывая пальцем на движущуюся на горизонте точку. Фрэй заслонила глаза рукой.

– Разведчик?

– Мчится так, словно за ним демоны гонятся.

Даймон посмотрел на Камаэля взглядом, в котором появилась заинтересованность.

– Думаешь, Господь услышал наши молитвы?

– Надеюсь, что нет, – хмуро ответил Камаэль.

* * *

– Да, – буркнул Даймон. – У меня нет сомнений, что Господь нас услышал. Он стоял на коленях на вершине холма, положив ладони на землю.

– Думайте, о чем просите, потому что при крупнице невезения можете это и получить, – едко отозвался Камаэль.

– Тогда лучше ни о чем не просить, – закончил Фрэй. Предводитель Ангелов Меча склонился в седле.

– Сильная?

– Как сама чума. Лучше сойди и сам проверь.

Камаэль сошел с коня и преклонил колени рядом с Даймоном. Когда он положил ладони на землю, его лицо искривила гримаса. Он взвился на ноги, резко отряхивая ладони.

– Как ты это выдержишь?

Даймон криво усмехнулся.

– Понимаешь, привычка.

Он встал, отряхнул руки и вскочил в седло. Его конь был таким же черным, как и волосы его хозяина. Он назвал его Полынью. Как все из кавалерии, Полынь принадлежал к Божьим тварям и, как все твари, был совершенно безумным. Он отзывался редко и говорил чаще загадками. Но Даймон научился безгранично доверять ему после того, как Полынь много раз спасал его жизнь. Кроме коней, к тварям Божьим причисляли хайот, многоглазых, бестий, существ и чудовищ, таких как Левиафан или Бегемот, но контакт с ними всегда труден, поскольку они вели себя непредсказуемо и, по словам большинства ангелов, говорили чепуху. Однако кони, как самые рассудительные из них, обычно использовались в роли верховых.

– Давно наблюдаешь за этими вибрациями? – спросил Камаэль. Разведчик, который привел их на этот холм, покачал головой.

– Я предупредил вас, как только почувствовал их, но я не знаю, как долго это продолжится, работающие тут ангелы ничего не сообщали.

Даймон скривил губы.

– Ну, конечно, – сказал он с горечью.

Полынь переступал с ноги на ногу. Они неожиданно услышали его голос, просто в мыслях, как холодное касание стали. Это было неприятное чувство.

– В глубоких долинах собирается тень. У нее цвет ночи, и пахнет она кровью. Они называют ее смерть, но они не правы. Смерть по сравнению с этим полна жизни.

– Я согласен с ним, – произнес Даймон. – Это не локальное проявление тьмы. Похоже, кто-то хочет нанести нам визит.

Камаэль побледнел.

– Думаешь, что это... – он повысил голос.

– Ты чувствуешь эту вибрацию? Она обожгла мне руки. – Они посмотрели друг на друга. Сказать было нечего.

– Даймон, – вздохнул Камаэль. – Похоже, ты отправишься в Царство раньше, чем ты предполагал.

* * *

«Пусть ждет, – решил Ялдабаот. – Это пойдет ему на пользу. Его надменная шея слегка согнется. Ему придется проглотить унижение, понять, где его место. Кем они себя возомнили, эти Ангелы Меча? Банда высокомерных молокососов. Никакого уважения, никакого смирения. Они обычные убийцы».

Они давно были для него занозой. Созданные, а не рожденные. Он не мог понять, зачем Господь даровал им такое высокое положение, такое блистательное происхождение. Создал их лично, задолго до того, как наделил слово Метатрона силой призывать к жизни новых ангелов.

А собственно, зачем этот Метатрон? Низшие ангелы, эти легионы небесных птиц, называют его про себя другом Господа. Это отсутствие уважения или, может, даже святотатство?

Ялдабаот тысячи раз уверял себя, что Метатрон получил милость создавать низших ангелов только потому, что у него, Ялдабаота, слишком много обязанностей по строительству Земли, но чувство несправедливости гложет его, словно слишком глубоко засевшая заноза. Было еще одно оскорбление – архангелы. Этого Ялдабаот никак не мог понять. Ангелов Меча Господь создал для битвы, по необходимости, но зачем Ему эти архангелы? Высокомерные, неоперившиеся птенцы! Агрессивные дети, играющие в настоящую знать! По милости Господа они являются предпоследними в хорах. Следует утереть им нос. Они поддерживают этих рыцарей, этих кровавых наглецов Меча. Фрэй – самый худший из них. Дебошир. Мрачная, окаменевшая душа. «Пусть ждет. Вытру ботинки о его гордость. Пусть ждет».

Даймон ждал. С трудом сдерживался, чтобы нервно не кружить по коридорам. Текли часы, день подходил к концу. Вечер разбрызгивал красные солнечные пятна по полу Дома Архонтов.

Ялдабаот обсуждал образцы новых гобеленов для трапезной. Он не мог решить, долго выбирал. «Пусть ждет».

Даймон старался выжидательно не смотреть на двери. Кончиком меча он колупал в щели между мраморными плитами пола.

Ялдабаот рассматривал вышивку на своей новой одежде. Ему нравилось, но он высказывал много замечаний и поправок. Собравшиеся в зале аудиенции архангелы начали проявлять признаки усталости. Они стояли тут с утра, и Ялдабаот надеялся, что кто-то из них упадет в обморок. К сожалению, они разочаровали его. Есть еще этот Фрэй. Пусть ждет. Сейчас нужно заняться перестройкой беседки в Розарии. Это срочно!

– Великий Архонт, Строитель Вселенной, Эон Эонов, Правая рука Бога, Глава всех Хоров, Князь всех Небесных Князей, Сияющий силой и справедливостью Ялдабаот, Владыка семи высот, примет сейчас Даймона Фрэя, Рыцаря Меча! – оповестил герольд.

Даймон двинулся к дверям.

– Но господин, – забормотал стражник. – Это зал аудиенций. Ты не можешь войти туда с оружием на поясе!

На лице Фрэя появилась исключительно отвратительная ухмылка.

– Я – Ангел Меча, – сказал он. – Я не люблю расставаться с ним. Если тебе это не нравится, отбери его у меня.

Стражник пропустил его без слов.

– Повтори еще раз то, что рассказал. Я не слишком внимательно слушал тебя.

Даймон в третий раз за этот вечер начал излагать ситуацию, которая привела его в Дом Великих Архонтов. У него было каменное выражение лица, но голос начинал неприятно хрипеть.

– Разведчик открыл источник необычно сильной вибрации. В течение пары часов в этом регионе нашли пять таких источников. Сила, что вытекает из них, очень могущественная. Она выходит из самого сердца Тьмы, а не из ее проявлений. Мы подозреваем, что в этом районе скоро начнется атака Тени. Личная, собственной персоной, а не через кого-то из ее подчиненных демонов. Я объяснил на случай, если бы ты слушал не слишком внимательно... Десница Божья.

Ялдабаот, стоящий все это время к нему спиной, повернулся.

Всех собравшихся в зале аудиенций с самого начала удивлял контраст между этими двумя ангелами, а сейчас, когда они стояли лицом к лицу, это стало еще заметнее.

Даймон был одет аккуратно, без излишеств, так, как любили одеваться Ангелы Меча. На нем была белая рубашка из тонкого мягкого материала, спрятанная под короткую, доходящую до талии куртку из черной кожи, узкие черные штаны и длинные сапоги со множеством пряжек. На боку висел меч и кинжал. Волосы он свободно завязал на затылке, оставив только

две свисающие на грудь пряди. На пальце правой руки он носил единственное украшение – перстень с черным камнем и выгравированной печатью, символом влияния, положения и происхождения. Высокий и стройный, ростом почти такой же, как Ялдабаот.

Великий Архонт был красивым. Его пропорции, правильные черты лица напоминали статую из мрамора. Церемониальные одежды, ослепляющие белизной, были расшиты сияющей замысловатой вышивкой и украшены аппликацией из драгоценных камней, таких же чистых, как и их Светлость. Жесткий ворот мантии обхватывал искусно причесанную голову. Волосы Ялдабаота сияли серебром, как и красивые холодные глаза с пронзительным взглядом. Узкие, почти фарфоровые руки демиурга были в перстнях из белого золота и бриллиантов. Всякий раз, когда он двигался, раздавался шелест дорогих тканей.

– То есть ты утверждаешь, что Земля, горнило новой жизни, которое Господь разжег, будет атакована Антикреатором, Его Тенью, с незапамятных времен сброшенным в глубины забвения. Под этим я понимаю, что тот, кого мы называем Вечным Врагом и Сеятелем Ветра, вернулся именно сейчас и именно для того, чтобы побеспокоить Рыцарей Меча?

Даймон почувствовал, как его затапливает волна слепой ярости. Он начинал медленно понимать, что этот сумасшедший деспот наплюет на опасность, только чтобы унижить его. Он непроизвольно сжал кулаки.

Ялдабаот смотрел на него с победной усмешкой на губах.

– Поясни мне, откуда у тебя такая уверенность, что вибрация идет от Антикреатора?

– Я учуял его присутствие, – голос Даймона прозвучал почти спокойно.

– Ах так? – Ялдабаот поднял брови с выражением приятного удивления. – Тебе удалось его просто учуять? Или это какой-то магический трюк?

Лицо Даймона вытянулось. Он побледнел, а в глазах запылал зловещий огонек.

– Ты забыл, Великий Архонт, что несколько раз я видел его вблизи.

– Интересно. И насколько близко?

– Настолько, насколько ты не посмеешь. На расстоянии вытянутого меча.

Тишина в зале стала почти осязаемой. Внезапно Ялдабаот рассмеялся.

– Твоя наглость, рыцарь, – произнес он, – значительно превышает твою отвагу. Повтори громко, перед всеми, просьбу, с которой ты прибыл.

Мгновение казалось, что Ангел Меча вцепится в горло Ялдабаоту. Однако он взял себя в руки.

– Я прибыл за помощью, – хрипло сказал он. – За воинством, которое позволит нам вести относительно равную битву с силами Тени.

Демиург снова повернулся к нему спиной, и Даймон услышал мелодичный шелест драгоценного шелка.

«Почти закончилось, это почти конец, – подбадривал он себя. – Еще минута – и ты выйдешь отсюда. Спокойно и медленно».

Шелк пел, пол слегка качался, а костяшки на пальцах, сжатых в кулак, побелели. В голосе Великого Архонта, звучавшем словно издалека, не было удивления или особых эмоций.

– Я не вижу необходимости перегруппировывать воинство. Ваших сил хватит. Я не намерен призывать в ружье ни одного солдата только из-за того, что несколько офицеров Меча впали в необоснованную панику. Подкрепление необходимо при строительстве звезд и планет. Я советую вам научиться контролировать собственные слабости. Можешь это передать своему командиру.

– Каждое слово! – гаркнул Даймон.

– И еще одно. На будущее я не потерплю никакого неповиновения. Я имею в виду... оставить свой пост без четкого приказа. В следующий раз ты понесешь заслуженное наказание.

Ангел Меча долго смотрел на него.

– Не будет никакого следующего раза. Уверяю тебя.

«У него волчьи глаза, – подумал Ялдабаот. – Может кинуться. Ну что, волчок, я вырвал твои клыки».

Он небрежно махнул рукой.

– Можешь идти. И так занял слишком много моего времени.

Даймон церемонно поклонился. Его лицо казалось бесстрастным, но неизвестно каким образом в каждом жесте ангела крылось больше презрения, чем в любой демонстративной бестактности.

Ялдабаот не соизволил ответить или даже посмотреть на уходившего.

* * *

– Видели, как он с ним обращался? Как с мусором! – голос Люцифера дрожал от негодования.

– Он не лучше обошелся и с нами, – буркнул Разиэль.

– Наглая сволочь! – рявкнул с раздражением Михаэль, встряхивая шафрановыми кудрями. – Он заставил нас целый день стоять в своей гребаной тронной зале в наказание, словно маленьких ангелов в углу.

– Проблема в том, что мы должны его слушаться.

– Кто сказал, что должны? – Люцифер ударил кулаком по столу.

Габриэль крутил на пальце перстень с печатью.

– Думаете, ситуация созрела? – спросил он.

Рафаэль нервно дернулся, открыл рот, но передумал. Архангелы сидели в хмуром молчании.

– Войнство точно пойдет за нами, – наконец сказал Михаэль. – Ручаюсь.

– Знаю, Миха, – вздохнул Габриэль. – Но что с остальными ангелами: с работниками, чиновниками, старой аристократией, дворцовой гвардией и другими? Воля Ялдабаота для нас равнозначна воле самого Господа.

– Недовольство растет. – Разиэль пожал плечами.

– Ангелы Меча тоже пойдут за нами. Особенно после того, что было вчера, – добавил Люцифер.

– Если хотя бы кто-то из них останется в живых, – буркнул молчавший до этого времени Самаэль.

– Не могу поверить! – выкрикнул Рафаэль. На его лице отразилась мука. – Мы действительно рассматриваем возможность бунта?

Самаэль скривился.

– Ну что ты! Мы обговариваем план пикника в Розарии.

– Кстати, господа, – тихо произнес Габриэль. – Что вы, собственно, предлагаете?

– По-тихому готовиться и не привлекать внимания, – ответил Разиэль. – Господство Ялдабаота вот-вот рухнет. И тогда мы аккуратно займем его место.

– Ну и чего мы тогда ждем? За дело! – Михаэль радостно улыбнулся.

– Мы ничего не можем начинать прямо сейчас, – прервал его Габриэль. – Мы создадим впечатление, будто выступаем против Господа. Неужели никто не принимает этого во внимание?

– Никоим образом! – закричал Люцифер, заметно задетый. – Против Господа? Никогда! Об этом не может быть и речи!

Воцарилась тишина. Ее прервал насмешливый голос Самаэля:

– Поболтали. Поняли. Как обычно. Расходимся по домам, да? А то у меня ноги болят.

– Господь поставил Ялдабаота Великим Архонтом. Похоже, у Него были на то свои причины, хотя мне сложно понять какие.

- Тогда иди и спроси Его об этом, Габи! – рявкнул Самаэль.
- Побольше уважения, – зашипел Михаэль. – Ты перегибаешь палку и...
- Знаю, буду собирать зубы с пола.
- Заткнитесь! – голос Разиэля зазвучал как свист бича. – Ведете себя словно щенки. Хочу напомнить, что мы говорим о власти в Царстве, а не про начищение ваших рыл. Резюмирую, мы ждем четкий знак от Господа. Знак, что Ялдабаот потерял милость в Его глазах.
- Да, – Габриэль нервно крутил перстень на пальце. – Без этого мы ничего не предпримем.

* * *

– Отказал?! – в голосе Камаэля смешалось недоверие с яростью. – Это невозможно! Ты все объяснил ему как надо?

Даймон посмотрел на него, и в его глазах было что-то такое, что предводитель Ангелов Меча замолчал.

- Да, – ответил он медленно. – Трижды. Он приказал нам работать над слабостями. Камаэль старался не показывать, что сломался.
- Ладно. Эвакуируем с опасной территории всех, кто не нужен, укрепим посты, соберем парней и...
- И подготовимся к смерти, – закончил Фрэй.

* * *

Никто не запомнил имен двух ангелов, погибших первыми. Просто вдруг земля и небо разорвались, разделенные вертикальной щелью, которая расширялась, создавая врата, готовые пропустить одновременно пятьдесят всадников. Волна темной энергии хлынула на равнину, поглощая работающих там ангелов. Они умирали оглушенные, отравленные, задыхающиеся, с сердцами, переполненными страхом, которого они никогда прежде не испытывали. Все это продолжалось не дольше мгновения. Потом через врата прошли шеренги странных существ, похожих на клубы мрака, кажущихся на первый взгляд неуклюжими, но ужасающе действенными. Рыцари Теней хлынули нескончаемой лавиной. Их были десятки, сотни, сотни тысяч, видимых в разрыве между мирами. Они медленно лились в открытые врата, словно сияющая река магмы. Воздух, наполненный мощной, зловещей энергией, дрожал. Стоящие на возвышенности Ангелы Меча почувствовали хорошо знакомые симптомы присутствия Тени – стеснение в груди, шум в ушах и тошноту.

- Антикреатор, – прошептал Камаэль.
- Иофиэль протянул руку.
- Смотрите! Там!
- И действительно, далеко, видимая сквозь разрыв между мирами, дрожала густая Тень.
- Пусть Господь благословит все врата Царства, – произнес древнюю формулу Камаэль.
- Пусть Меч ведет и побеждает, – ответили ему.
- Занять позиции!

Они развернули коней. За их спинами в тишине ожидало двенадцать тысяч отборных всадников Царства. Букрании их коней, выполненные в форме львиных голов, тускло блестели.

Даймон выехал вперед с правой стороны, Иофиэль – с левой. Камаэль занял место по центру.

- К бою, саранча! – закричал он.
- «Приветствую, небытие», – подумал Даймон. У них не было ни одного шанса. Перед могуществом врага они были горсткой отчаявшихся. Может быть, они продержались бы какое-

то время, если бы сразу заблокировали разрыв, но волна ядовитых паров убила бы их в одно мгновение.

Он вытащил меч и поднял его высоко над головой. Сталь поймала солнечный лучик, который затанцевал на острие и погас.

– За мной! – закричал он.

Он подстегнул коня и, не оглядываясь, кинулся вниз по склону.

* * *

Они упали сияющей стальной рекой. Закипело. Железо против железа начало свой кровавый танец. Саранча клином влетела в бок черной колонны, пытаясь разбить ее пополам и захватить врата. Мечи рыцарей Царства вырубали глубокие проплешины в шеренгах солдат Тьмы, словно поляны в густом темном лесу. Скакуны неслись вперед, топча и расплющивая выпавших из седел всадников. Земля была залита кровью и странной липкой жидкостью рыцарей Тени. Их шеренги слегка расступились, что позволило всадникам Царства въехать в середину колонны.

«Плохо, – подумал Даймон. – Они хотят взять нас в кольцо».

– Они окружают нас! – закричал он, пытаясь развернуть правое крыло и ударить в сформированные из солдат тьмы щупальца.

Затем их строй расступился, выплевывая бесформенных, закованных в железо тварей, изрыгающих пламя просто в дерущихся ангелов. Под их прикрытием войско хаоса атаковало.

Дым заслонил поле битвы. Отовсюду неслись отчаянные крики, хрипы коней и лязг мечей. Казалось, достаточно и минуты, чтобы армия Тьмы раздавила воинство Царства, но ангелы решили дорого продать свою жизнь. Сокрушенные, посеченные и растоптанные, они все же не давали рассеять себя и забить, как скот. Саранча собирала кровавый урожай, и вскоре кони гарцевали по трупам. Но из врат по-прежнему выливались новые шеренги уродливых, отвратительных и смертоносных солдат. Помет хаоса, сыновья Тени. Медленно отборная конница Царства слабела и умирала. Всадники падали в болото, созданное копытами коней из пыли и крови. Их броня – желтая, словно сера, красная, как огонь, синяя, будто дым, – выглядела словно конфетти, рассыпанное на потоках смолы.

Даймон бился в самой гуще, сея панику в рядах Тьмы. Тех, кто осмеливался к нему приблизиться, ждала смерть. Он вынужден был сорвать с головы шлем, в который попала огненная слюна одного из чудовищ хаоса, поэтому его волосы были спутаны и заляпаны кровью. Он выглядел как призрак – с белым лицом и окровавленным мечом, без устали погружающимся в тела врагов. Они падали, даже не скрестив с ним меч. Но в конце концов и он стал слабеть. Пот заливал его глаза, плечи онемели, а усиливающееся с каждым мгновением дыхание Антикреатора высасывало силы, затуманивало глаза и спутывало мысли. Почти механически он поднимал и опускал меч, оглушенный криками и лязганьем стали.

Внезапно ужасный рев разнесся в воздухе. Даймон ощутил порыв вонючего жара и увидел разъявленную пасть огненной твари перед собой. Он рубанул пасть наискось. Тварь завывала, брызгая огненной слюной. Он сжал скакуна коленями, Полынь выполнил пируэт и встал на дыбы. Даймон поднялся на стременах и могучим ударом вонзил меч в широко раскрытый глаз твари. Пламя опалило его лицо и выжгло в земле большую воронку. Тварь затряслась и с визгом упала в грязь, чуть ли не подрезая ноги Полыни. Когтистые лапы царапали землю, а конь Даймона гарцевал между ними, стараясь избегать ударов. Фрэй наклонился в седле, чтобы распороть живот подыхающего монстра, когда почувствовал, как по ребрам скользнуло что-то холодное и горячее одновременно. Острие топора разодрало его бок. Он выровнялся и рубанул противника через всю широкую грудь. Тот зашатался и повис в седле своего коня, а Даймон в последнее мгновение уклонился от смертельного удара в голову, нанесенного очередным

черным воином. Полынь молниеносно вскинул голову, хватая противника зубами за лицо, тот залился кровью и свалился на землю.

«Теряю рефлексы, – подумал Даймон. – Ненадолго меня хватит».

Острые чьего-то меча разодрало ему рукав и глубоко поранило плечо.

– Есть ли что прекраснее, чем своды Хайот ха-Кадоша, что становятся фиолетовыми с приходом вечера? – услышал он в своей голове, понимая, что это Полынь прощается с ним.

– До встречи в небытии, старик, – прошептал он, разрубая почти пополам выросшего будто из-под земли великана в шлеме с гривой.

Ситуация была безнадежной. Рыцари Меча с остатками саранчи пытались добраться до врат в отчаянной надежде заблокировать их. Из зияющей дыры, словно из широко раскрытой пасти, продолжали появляться новые черные воины, но уже не так бурно, только чтобы вос-становить потери, нанесенные саранчой. Преимущество Тьмы было таким большим, что они могли себе позволить неспешное уничтожение.

Внезапно Полынь развернулся, растапывая поднимающегося всадника, которого его хозяин мгновение назад выбил из седла, а Даймон на секунду посмотрел в пасть открытых врат. То, что он увидел, испугало его. Легион солдат Тьмы, что убивает их, составлял едва ли аванпост всей армии. Ее основные силы были не задействованы. В мире Тени стояли готовые к бою отряды, и конца им было не видно. Противостоять им могло только все Воинство Божье, мириады ангелов, развешенных по всему космосу, чтобы наметить траекторию звезд и планет. Даже если придет подкрепление, армии, которую удалось бы быстро собрать, не хватит, чтобы победить Тень. Под угрозой не только новый проект Господа, но и существование всего Царства.

Даймона охватили сожаление и ярость, когда он вспомнил надменную рожу Ялдабаота. «Возможность унижить меня будет стоить дороже, чем кто-либо мог бы представить», – подумал он. С горечью он вспомнил приказы Камаэля, отданные перед битвой. «Постарайтесь оттянуть их в сторону и загородить врата. Они узкие, защищая их, у нас есть хоть какой-то шанс». Оттянуть их! Впечатляющая идея. Закрыть этот гребаный вход!

Озарение пришло внезапно, между ударом меча и уклонением от другого удара. Идея была безумной и, собственно, не имела права на успех, но пробудила в нем крупицу надежды.

– Выноси меня отсюда, Полынь! – закричал он в самое ухо коня, припадая к его шее, поскольку там, где мгновение назад была его голова, пролетел огромный молот. Конь забил ногами.

– Вперед, холерная кляча! Может получится!

– Чуму на твою душу, Даймон! – захрипел конь. – Ты – сумасшедший!

Он выдал долгий, протяжный визг и встал на дыбы. Ангел Меча качнулся в седле, но не упал, судорожно вцепившись в гриву. Мощные копыта неожиданно оказались перед лицом ближайшего рыцаря Тени, а Даймон увидел в его глазах панический страх, за короткое мгновение до того, как подковы Полыни размозжили его череп.

– Вверх! – крикнул он коню, рубя мечом направо и налево, освобождая ему немного места.

И внезапно случилось что-то невероятное. Могучий скакун оттолкнулся от земли и взмыл вверх.

Он упал на шею и плечи сражающихся, на шлемы и поднятые мечи рыцарей Тьмы, втаптывая их, словно молодые зерна на поле.

Те, кто видел это, шокированно замирали, уверенные, что встретили саму смерть. С оскаленной морды скакуна падала пена. Он и сидящий на нем всадник создавали впечатление отлитых из сияющего ржавчиной металла, поскольку были полностью залиты кровью.

– В Царство, Полынь! – захрипел Даймон. – К Шестому Небу!

Он едва удерживался в седле. В ушах звучал монотонный шум, а все, на что он смотрел, окрашивалось в красный, размывалось и искривлялось. Он почувствовал резкий рывок и увидел пустоту космоса, наполненную звездами, которые сразу же смазались в золотистые полосы. Ветер бил в лицо, развевал волосы. Он понял, что у них получилось. Полынь нес его в Царство.

* * *

Дия, молодая служанка в свите Матери Рахили, прервала пение. Между знакомым щебетанием птиц и шелестом листвы послышался чужой звук, словно топот. Он нарастал, но Дия не могла определить его источник. Стебли цветов склонились, как от внезапного порыва ветра, и девушка-ангел почувствовала влажные капли, падающие на ее руки и лицо. Они были красными. Дия с криком откинула песенник, размазывая багровые полосы по волосам и щекам. Ее прекрасное лицо искривилось в гримасе паники и отвращения. Она родилась на Шестом Небе и никогда не видела крови.

По земле двигалась тень, поэтому ангелица задрала голову, и крик замер на ее губах. Поднебесной дорогой неся всадник. Длинные волосы развевались, как черное знамя. Его лицо представляло маску безумства и отчаяния. В руках он сжимал обнаженный меч. Он был словно багряная туча на фоне синевы Шестого Неба, где никогда не упало и капли дождя.

Дия заслонила глаза рукой и упала на мягкий ковер изумрудной травы.

– Я должен опуститься на землю. – Голос Полыни срывался от напряжения.

Движение небесными путями позволяло развить головокружительную скорость, но это было очень утомительно. В Царстве налагался строгий запрет на их использование из-за путаницы, вызванной одновременным присутствием в воздухе множества ангелов, но это ограничение Даймон решил в эту минуту игнорировать. Несколько раз патрули Ялдабаота пытались его остановить, но они разбегались, освобождая ему дорогу, когда понимали, что он не намерен замедляться.

– Нормально, спускайся! – закричал он, полный плохих предчувствий, потому что дороги Царства всегда были сильно перегружены. В этой ситуации безопаснее было проехать через Сады.

Они ринулись вниз, растоптали безупречный газон, сровняли с землей клубу с розами и лилиями, распугали гуляющих. Проехали через группу музицирующих ангелов, разгоняя их, словно стаю белых куропаток. Перед глазами Даймона промелькнул разбитый копытами Полыни клавесин. Неслись крики тревоги и боли, но у него не было времени обращать на них внимание. За поворотом он натолкнулся на Ангелов Лета, на попечении которых находились Сады Царства.

– С дороги! – зарычал Даймон.

Удивленные садовники беспорядочной пернатой кучей взмыли в небо. Пронось мимо, он заметил чье-то перепуганное лицо, что-то мягко ударило его в бок, и раздался стон.

– Во Дворец Чудотворных предметов, – приказал он коню, даже не оглядываясь.

Дворец, или скорее большая часовня, содержал в себе Божьи инструменты – Мастерок и Циркуль, которыми Господь разметил Вселенную, а также Ключ к измерениям, с помощью которого Он открывал новые реальности. Этот Ключ и казался Даймону единственным шансом на спасение Царства.

Полынь зарылся копытами в гравий на дорожке прямо перед фасадом белого, ажурного, словно сахарный пирог, павильона. Он низко опустил голову и тяжело дышал. Даймон спустился с него. Когда он коснулся ногами земли, у него закружилась голова. Он вынужден был схватиться за луку седла, чтобы не упасть. До этого времени он не обращал внимания, насколько сильно он был ранен. Левый бок, штанина и сапог были покрыты липкой кровью.

«Не хватало еще упасть в обморок», – подумал он и, как мог быстро, побежал к входу в здание.

В тот же миг ему преградили дорогу двое стражников с топорами на боку.

– Впустите меня! – прохрипел он. – Царство в опасности!

– Прочь! – рявкнул тот, что выше. – Своим присутствием ты порочишь святилище!

Даймона охватила ярость. Там погибают его друзья, его братья, а эти два тупых сукиных сына осмелились преградить ему дорогу?

– Или вы меня впустите, или я разобью ваши глупые головы! – со злостью прорычал он.

Они потянулись к оружию, но даже не успели его вытащить. Даймон треснул одного рукоятью меча в лицо, второго свалил на землю пинком, вырвал у него топор из-за пояса и огрел топором по голове. Все это длилось не дольше одного вдоха.

Он оказался в холодном тихом зале. Воздух казался гуще, чем снаружи, вибрируя осязаемой мощной силой. Стены сияли золотистым блеском. Посредине помещения стояли три хрустальные шкатулки со священными предметами. Он коснулся искусно вырезанной крышки, через которую можно было рассмотреть очертания золотого Ключа.

– Прости меня, Господи, – прошептал он.

Прикрыв лицо согнутой рукой, он со всей силы ударил рукоятью меча в крышку. Раздался пронзительный стон, и осколки хрусталя посыпались на пол.

Золотой Ключ, которого до этого времени касалась только рука Господа, лежал на пурпурной подушечке и маслянисто переливался. Он был покрыт легким орнаментом, деликатным и едва заметным. Даймону показалось, что в нем дремлет мощная, зловещая жизнь.

Он протянул руку, задержав дыхание. Дрожащие пальцы коснулись металла и сомкнулись на нем. Он вытащил Ключ из шкатулки. Тот оказался неожиданно тяжелым. Внезапно Даймон почувствовал, как он зашевелился, словно держал в руке не предмет, а живую тварь, маленькую ящерицу. В тот же самый момент Ключ засиял белым светом. Ангел Меча вскрикнул. Его пронзила боль. Инстинктивно он разжал пальцы, едва не выронив магический предмет. Он позволил ему лежать на раскрытой ладони, которая пылала, а волны боли быстро охватили всю руку, словно языки огня облизывали сухую ветку. Даймон стиснул зубы. Все в нем кричало, чтобы он бросил его, но ангел знал, что не может этого сделать. Наконец белый свет стал тускнеть и совсем погас. Ключ снова стал мертвым куском металла. На внутренней стороне ладони ангела зияла огромная, похожая на полумесяц рана, напоминающая искривленный в язвительной насмешке рот.

Даймон, помогая себе зубами, оторвал от подушечки золотой шнурок, которым она была обшита, и повесил Ключ себе на шею.

Яркий солнечный свет снаружи почти ослепил его. Он забрался в седло, вытащил меч из ножен и перекинул его в левую руку.

– Возвращаемся, Полынь, – сказал он.

Конь без слов сорвался на бег. Он мчался, словно вихрь.

* * *

Битва продолжалась. Прибывшие из Царства отряды, казалось, в какое-то мгновение одерживали верх, но сейчас их теснил черный рой солдат Тени.

– Отступайте! Назад!!! – Даймон напрасно старался перекрыть шум битвы.

Он рубился со всей силы, какая в нем еще оставалась, пробивая себе дорогу к первой линии. Он разбивал черные шлемы, разрубал доспехи, словно льняные мешки. Каждый удар сопровождался стоном и криками боли.

В какой-то момент он заметил бледное пятно лица Камаэля, посеревшее и окровавленное. Он поблагодарил Бога, что его друг все еще жив.

– Гони! – крикнул он коню, который на мгновение застрял в клубке тел и железа. – Мы должны оставить всех наших позади.

– Так сказал нищий, увидев бесплатный суп! – рявкнул Польшь, послушно вырываясь вперед.

Перед глазами Даймона понеслись черные и золотистые искры. «Я так долго не выдержу», – подумал он. Ладонь пульсировала непрерывной тупой болью. Меч с каждой минутой казался все тяжелее. Он чувствовал, как несколько раз его задело чье-то острие.

– Отступайте! – кричал он каждому встреченному ангелу.

Наконец он заметил, что его окружает сплошное море черных шлемов. Он сорвал Ключ с шеи, вытянул руку и провернул его в воздухе.

– Бездна! – произнес он. – Бездонная бездна вне времени и измерений.

Земля затряслась и расступилась. На месте, где были ворота Антикреатора, открылась воронка. Тень и ее армию в одно мгновение втянуло туда. Воронка расширялась, продолжая втягивать атакующие отряды Сеятеля Ветра. Земля убегала из-под копыт обезумевших от страха рысаков. В небо вознесся хор отчаянных голосов. Отряды Антикреатора погибали в Бездне. Несколько ангелов, которым не удалось отступить, затащило в воронку. Пустота быстро приближалась. Даймон балансировал на краю Бездны с сияющим Ключом в руках. Он погиб бы, если бы не Польшь. Когда земля, на которой они стояли, начала сползать в бездонную щель, конь выполнил отчаянный разворот и отскочил назад, на более устойчивый грунт.

Даймон снова повернул Ключ в воздухе.

– Хватит, – пробормотал он с трудом. Черные вспышки перед глазами растворились во мгле. Последним усилием воли он осмотрел поле битвы. Перед ним лежала знакомая равнина, покрытая лишаями ям. Антикреатор вместе со своей армией исчез.

За спиной у него была земля, усеянная трупами. Он слышал стоны и проклятия раненых. Отряды Царства преследовали немногочисленных солдат Тьмы.

Даймон опустил Ключ, закачался в седле и тяжело свалился с коня.

* * *

– Он богохульник и убийца! – кричал Ялдабаот.

– Однако он спас Царство, – устало произнес Яо, секретарь демиурга.

– Только Господь может решать судьбу Царства! Только Он может спасти или погубить его согласно Своей воле!

– В таком случае он спас Царство Его руками.

– Ты защищаешь убийцу, Яо? Три невинные души, три чистых ангела погибли от его героических рук! Двух он растоптал в Садах, а одного хладнокровно зарубил топором, когда тот защищал священные предметы от осквернения.

Яо вздохнул.

– Просто я считаю, что приговаривать его к смерти не лучшая идея... политическая. Все Царство считает его героем.

Ялдабаот смерил его взглядом.

– Тогда я докажу их ошибочное суждение! Заблуждение и неправильный взгляд! Как ты смеешь говорить о какой-то политике! Тут речь идет о принципах, о законах! О богохульнике, грязное касание которого осквернило самую чистую святость!

– Если уж ты должен его убить, то сделай это быстро и тихо, после короткого и непубличного процесса...

– Ты предлагаешь мне поступок, достойный убийцы? Никогда! Все увидят эту экзекуцию! Все, начиная с князей Сарим и заканчивая самыми последними из ангелов служения. И этот преступник, бунтарь, будет казнен перед ними публично.

Яо хотелось застонать.

Во мгле мерцали огоньки факелов. На стенах рождались и умирали фантастические тени. Где-то далеко слышалось капание воды. А может, крови?

– Ты – убийца! Подлый, беспощадный! Ты убил невинных! Знаешь, что есть жизнь? Бесценный дар Господа! А ты надругался над этим даром! Больше того! Ты осквернил святость! Отважился протянуть руку к тому, что принадлежит самой Светлости! Кровавую руку! Да, кровавую! Сейчас эта кровь кричит! Взывает ко мне, ко всем. Ты – чудовище. Твоя душа – это ведро помоев. Грешник! Ты и сейчас грессишь гордостью и ожесточенностью сердца. Смирись, пока еще не поздно. Покайся! Моли о прощении. На колени, убийца! Я сказал: на колени!

«Никогда. Никогда, даже если придется тут сдохнуть. Он никогда не унижится перед этой бледной мордой безумия, перед этими нервно трясущимися руками, словно фарфоровые безделушки, которые никогда не держали меча, которые никогда не узнают слова “честь”».

Легкий взмах, скрежет. Кровавый ублюдок! Он приказал ослабить цепи. А ноги не хотят его держать, подгибаются. Сейчас колени ударятся о грязный каменный пол.

Он схватил тяжелые звенья цепи и подтянулся на покалеченных руках. «Прибереги для детей свои дешевые штучки. Ты не увидишь Ангела Меча перед тобой на коленях, протез Господа».

– Признай, кто ты! Признайся в своих преступлениях! – шипит большая белая летучая мышь с серебряными волосами и глазами. – Говори!

Окровавленный рот заключенного обнажает в улыбке зубы.

– Я – верный рыцарь Господа, – прошептал он. – А кто ты, Великий Архонт?

Владыка семи высот отскочил, словно наступил на змею.

Волчьи глаза горели непреклонным зловещим пламенем.

* * *

В темнице воняло плесенью и тошнотворным смрадом горения. Яо чувствовал нарастающее отвращение – к Ялдабаоту, к этому делу, к своей роли. Если бы кто-то предложил ему, он сразу бы отказался.

Ялдабаот нервно тербил рукав. В серебряных глазах танцевали искры страха.

– Это демон, – сказал он. – У него проклятая душа.

Яо со свистом втянул воздух.

– С ума сошел? Ты убьешь его!

– Это демон! – повторил Великий Архонт. – Ни следа раскаяния! После всех преступлений...

– На милость Господа, прикажи его немедленно освободить! Ты хочешь проводить экзекуцию на трупе? Ты велел поставить на ноги все Царство!

Ялдабаот растерянно развел руками. Его дорогая белая одежда была покрыта ржавыми пятнами.

– Яо, я напуган...

– Я тоже! – выкрикнул секретарь. – Уходи отсюда, переоденься и оставь все на меня!

* * *

Сначала исчезли все звуки, потом он услышал громкий звон тишины. С трудом разлепил веки. Один глаз был настолько заплавленным, что он совершенно ничего не видел.

– Приветствую, Рыцарь Меча, – прошелестел едва слышный шепот. – Господи, как плохо ты выглядишь!

Через решетку на него смотрело безобразное, но умное лицо.

– Дума, – произнес он, едва шевеля губами. За последние пару часов он научился избегать любых лишних движений. – Давно не виделись! Пришел поболтать?

Присевший перед дверями Ангел Смертельной Тишины, в свойственных ему черных и красных одеждах, улыбался, показывая короткие острые клыки.

– Я пришел посмотреть, как ты справляешься. Говорят, ты даже не кричишь. Это правда? Не пойми меня неправильно, я спрашиваю из чистого любопытства.

Даймон выдавил из себя кривую ухмылку.

– Как сам думаешь?

– Как-то трудно мне было поверить, но я, похоже, изменю свое мнение, – пробормотал Дума. – Ты не нравишься мне, Даймон, но я пришел сказать тебе что-то, что, по моему мнению, ты имеешь право знать. Никто не хочет исполнять твой приговор. Белокровный рассвирепел, удалил большинство судей и тюремщиков. В конце концов он предложил эту шабашку мне и даже Афу и Хеме. Смех да и только, правда?

– Я впечатлен. Близнецы пожалели меня?

– Ну да, – прошептал Дума. – После того, как ты надрал им задницу посреди Небесной Площади? Что они тебе сделали?

– Распространяли ложную информацию. Они утверждали, что Ангелы Меча – кровожадные ублюдки. Я показал, что они заблуждаются. Они даже не поцарапались...

– Скорее посинели, – буркнул черно-красный ангел.

– Не хотят мстить?

– Ну что ты? Таким образом? Даже у них есть немного гордости.

Даймон прикрыл глаза.

– Они истязают тебя, да? – прошептал прозрачный голос. – Держись из последних сил. Прощай, Ангел Меча. Может, когда-нибудь встретимся... на другой стороне.

– До встречи в небытии, – произнес Даймон, не открывая глаз.

* * *

– Никто этого не сделает. Ты не можешь взять первого попавшегося палача. Он – ангел крови, аристократ.

– Мы должны кого-то найти! – Ялдабаот метался по комнате. – Это похоже на бунт!

Яо многозначительно промолчал.

– Я думаю, кто-то все же есть, – сказал растянутым, модулированным говором Астафайос, архонт, владыка первого элемента.

– Ну, говори! – закричал демиург, прозванный Десницей Господа.

– Рагуэль. Молодой, очень обязательный. Приказ для него является святым. Выполняет роль капитана спален во Втором Небе. Он – архангел.

Ялдабаот засиял.

– Чудесно! Видишь, Яо, как все просто? Хотеть – значит мочь. К тому же архангел. Настоящая пощечина для этих высокомерных щенков из банды Габриэля. Мы покажем им яркий пример молодого человека, который уважает традиции и знает свое место. Немедленно приведи его.

Рагуэль нервно сглотнул слюну. «Этот кошмар происходит на самом деле», – подумал он. Великий Архонт прохаживался по комнате, заложив руки за спину.

– Ваши способности и образцовое поведение были замечены, – произнес он. – Не думаю, что молодой возраст исключает ответственную должность. Мы умеем видеть алмазы в грязи. Ты получил повышение. Ты назначаешься палачом. Будешь исполнять приговоры Божьего суда

над высокими небесными сановниками. Начнешь с показательной казни отвратительного богохульника и убийцы, некоего Даймона Фрэя.

– Слушаюсь, Ваша Светлость, – пробормотал Рагуэль, уверенный, что все небеса Царства по очереди падают ему на голову.

Ялдабаот повернулся так резко, что зашелестели полы мантии.

– Что? Не поблагодаришь?

Архангел преклонил одно колено, опустил голову, чтобы Великий Архонт не смог увидеть выражение его лица.

– Я безмерно благодарен, Ваша Светлость. Я не заслужил такую милость.

Ялдабаот потер руки.

– Прекрасно! – воскликнул он. – А сейчас иди приготовься к новой роли. И запомни! Все должно быть организовано идеально. Это приказ!

– Слушаюсь! – раздавленно прошептал Рагуэль.

* * *

«Не упаду. Даже, сука, не споткнусь, – повторял он себе, пока приказ не достиг путающихся ног. – Господи, как же далеко!»

Эшафот возвышался, словно покрытый голубым и золотым сукном остров посреди огромной Небесной Площади. Вокруг него простиралось море голов и крыльев многочисленной толпы ангелов. Проход, что тянулся от врат Дворца Справедливости, оказался слишком узким. По обеим его сторонам каждые пятьдесят шагов стоял страж в церемониальной одежде.

Перед самым помостом Ялдабаот поставил друг напротив друга две молчаливые и неподвижные группы – архангелов и Рыцарей Меча, уцелевших в битве.

За эшафотом возвышались трибуны, где восседал Совет Архонтов, князя Сарим, в том числе титулярный глава Меча, князь Сокет Хези с кислой миной, и высокопоставленные лица.

Сияние солнца ослепило Даймона, глаза которого уже привыкли к темноте, поэтому, хоть он и напрягал зрение, мог увидеть только размытые силуэты на трибуне.

– Время, – сказал один из четырех сопровождающих его стражников и легко подтолкнул в спину.

* * *

Ялдабаот смотрел с высоты трибуны на площадь с надменным и суровым выражением лица, не давая возможности разглядеть удовлетворение. Церемония была впечатляющей. Он упивался победой над врагом. Упивался властью. Он зыркал на сидящего далеко слева Метатрона. Его лицо было спокойным и практически бесстрастным, хотя, казалось, излучало великую доброту. Любимый ангел Господа покорно принял предоставленное демиургом не слишком почетное место, даже не протестовал. Великий Архонт понял, что его не следует бояться. Рядом сидел его брат, хмурый и злой Сандальфон, время от времени бросающий в сторону Ялдабаота недовольные взгляды, но на него демиург не обращал внимания.

Яо деликатно дотронулся до его рукава.

– Посмотри на Рыцарей Меча, – прошептал он.

Ялдабаот слегка наклонился.

– Что это должно означать? – прошипел он.

Рыцари стояли с непокрытыми головами и волосами, посыпанными пеплом. На щеках виднелись толстые линии, нарисованные кровью.

– Траур, – сухо произнес Яо. – Они носят траур.

Ялдабаот затрясся от злости. Он отобрал у Рыцарей Меча оружие, приказал заменить его парадными мечами, поэтому и не ждал от них проблем. «Но ничего, – успокаивал он себя. – Это простая демонстрация. Они не в состоянии переломить ход событий. Не в состоянии противостоять моей власти».

* * *

Даймон изо всех сил боролся с тем, чтобы не споткнуться. Он выглядел ужасно в порванной, окровавленной одежде, с бледным и побитым лицом и спутанными волосами. Когда он появился в дверях Дворца Справедливости, в толпе пробежал шум, похожий на вздох. Однако его жалкий вид вызывал не жалость, а скорее страх и уважение, когда в каждом твердом шаге, в каждой попытке держать высоко голову было больше достоинства, чем в заученных позах всего Совета Архонтов. Собравшаяся на площади толпа покорных, трудолюбивых ангелов служения ощущала гнев и презрение, направленные на них осужденным, они готовы гнуть спины перед его голубой кровью, его ненавистью и опустошительным безумием, которым в минуту создания наделил его Господь, чтобы поставить над Мечом Своего гнева. В глазах Даймона они выглядели как скот, и они ощущали себя скотом, наблюдающим за пойманным леопардом. И они восхваляли Господа за безграничную доброту, благодаря которой они могли работать в поте лица без клейма убийственной ярости, без кинжала, притаившегося в глубине сердца.

Даймон поравнялся со стоящими почти возле самого эшафота Рыцарями Меча. Его взгляд на мгновение встретился с взглядом Камаэля, лицо которого было серым от пепла. Полоски, нарисованные кровью на щеках, кричали о том, чего не могли сказать сжатые губы. Камаэль не подал никакого знака, не промолвил ни слова, но внезапно шеренга неподвижных и молчаливых Ангелов Меча сломалась, когда все одновременно опустили на колено, обнажая мечи, те парадные, золотые, которые приказал выдать им Ялдабаот. Луч солнца танцевал на бесполезных клинках, когда отборные рыцари Царства прощались с самым достойным из них.

Даймон поднялся на эшафот. Так много раз он встречался со смертью, что в итоге перестал ее бояться. Почти.

С высоты толпа напоминала ему весеннюю клумбу, на которой только начинали прорастать и цвести разнообразные растения, ведь цветные одежды высших рангов ангелов растворялись среди пепельных и бурых туник небесных птиц. Он почувствовал облегчение от того, что смог без помощи преодолеть ступени. Кто-то мог бы подумать, что он утратил силы от страха, а он просто был слишком уставшим. Небесная Площадь никогда не казалась ему такой широкой. Он ощутил внутри, в себе, ужасную боль, словно от роя разозлившихся ос. Это должно было намного сильнее его тревожить, но не тревожило. Все вокруг выглядело так, словно было вырезано из картона. Не время беспокоиться о двухмерных декорациях.

На ступенях и грубых досках помоста чья-то рука начертила тонкий волнистый узор, словно рубец, тянувшийся за ним. «Кровавый, – подумал он. – Ялдабаот мог убить меня и без этого жалкого представления». Он посмотрел в сторону ложи, но увидел только размытые контуры.

«Лишить жизни ангелов крови не так-то легко, – повторял бледный и дрожащий Рагуэль. – Это должен быть удар прямо в сердце. Один удар в самое сердце». Ониксовая рукоять длинного, покрытого магическими надписями кинжала скользила в его потной руке. Он держал ее, словно это была ядовитая змея. Никогда за свою короткую, привыкшую к послушанию жизнь он не чувствовал себя таким несчастным. Он с трудом сглотнул слюну в пересохшем горле. Это он выглядел как осужденный, и на мгновение всем собравшимся возле эшафота показалось, что все наоборот, этот черноволосый пришел за жизнью палача, а может быть, и всех собравшихся.

Рагуэль смотрел на стройную неподвижную фигуру Даймона. «В сердце? – перепуганно подумал он. – Ради Бога, а оно у него есть?»

Фрэй глубоко вздохнул. Странное потрясение медленно проходило. Только сейчас он заметил Рагуэля. На мгновение в волчьих глазах зажегся огонек.

– Привет, Рагуэль, – произнес он низким глухим голосом. – Неплохое повышение, да?

Архангел вздрогнул. Он вспомнил о своих обязанностях.

– Привязать его! – приказал он ожидающим слугам. Его голос прозвучал плаксиво и неуверенно.

Даймон прикрыл глаза, позволил подтолкнуть себя в сторону стоящего посреди помоста странного строения из досок. Позволил сковать руки, хотя в мозгу взорвался целый сноп искр, когда они задели сломанные кости.

Герольд монотонным голосом зачитывал список его преступлений. «По крайней мере, я спас Царство, – подумал он с горечью. – Умру как герой». Боль начала напоминать о себе все ощутимее. Он вел себя как танцор, изучающий новые движения, словно тело Даймона было сценой, на которой нужно выступить перед требовательной публикой.

Ангел Меча стиснул зубы. «Заканчивай уже!» – мысленно рявкнул он. Но герольд начал зачитывать титулы Ялдабаота, и Даймон с иронией понял, что это продлится еще какое-то время.

Вдруг перед ним появилось бледное, перепуганное лицо Рагуэля.

– Прости, – услышал он шепот.

– Что?! – Он с трудом поднял голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Это был не слишком хороший момент, чтобы проявлять сострадание.

– Прошу прости... Я только выполняю приказ...

Если бы у него было больше сил, Даймон бы рассвирепел. В его непреклонных, презрительно прищуренных глазах Рагуэль увидел собственное отражение – слабого, подлого мальчика, который всегда будет дрожать от страха перед кем-то сильным. Он содрогнулся от мысли, что хищное, красивое лицо ангела, которого он через мгновение убьет, навсегда останется, словно клеймо, в его памяти.

Резкая, насмешливая улыбка растянула губы Даймона.

– Ты – никто, – сказал он. – Пыль на ветру. Посмотри на них, на Рыцарей Меча, архангел. Они бессмертны. Их кровь не умирает.

Рагуэль отступил на два шага. «Посмотрим, – подумал он тупо, высматривая знаки от Ялдабаота. – Уже через мгновение».

«Приветствую, небытие», – произнес мысленно Даймон. Он не боялся, но в то же время не хотел умирать. Его не привлекал безмятежный покой и величие смерти. Он вспомнил кислый вкус вина, что принесла страшенькая служанка; Камаэля, обмахивающегося пергаментом с приказами Ялдабаота, смеясь, что это единственное, для чего пергамент нужен. Полынь, топчущего лилии в райском саду; красивое лицо ангела... «Приветствую, небытие».

Ялдабаот, белый и кружевной, словно украшение из пены, наклонился с трибуны и подал знак.

Рагуэль замахнулся кинжалом и ударил.

Мир внезапно отступил, уменьшился до размера булавки. Боль была пронзительно острой, но далекой. Действие такое простое, как вдох, стало внезапно невозможно сложным. Черно-красная тишина, пронзительная, словно шепот ангела Думы, пела в ушах. Медленно все начало угасать. «Приветствую, небытие».

Рагуэль выдернул кинжал. Тело Даймона вздрогнуло и застыло. Рассыпавшиеся волосы прикрывали его, словно саван.

Архангелы переглянулись и промолчали. Некоторые незаметно сжимали кулаки. Лицо Разиэля застыло и напоминало маску. Габриэль нервно крутил перстень на пальце.

Камаэль провел ладонью по лбу и щекам. Его губы сжались в тонкую линию.

Внезапно небо раскололось. Голубой свет, что заливал площадь, забивал назад в легкие выдох, ослеплял, опускал на колени. Все ангелы, солдаты и сановники упали лицом в землю. И все слушали.

Только Метатрон стоял на коленях, с поднятыми вверх руками, и его лицо сияло неопи-
сваемым счастьем.

Голубой вихрь подхватил Даймона, вырвал из темноты. Наполнил его ослепляющей болью, силой, заставляющей кричать. Его швыряло между бесконечными пространствами, показывая, что есть жизнь, смерть и творение.

Вихрь охватывал его, уничтожал, создавал, снова уничтожал и снова восстанавливал. А потом он заговорил, хотя Даймон был уверен, что не использовал слов:

– АНГЕЛ МЕЧА, СОЗДАННЫЙ ИЗ ГНЕВА, ПРИНАДЛЕЖАЩИЙ ХАОСУ, – ДЕРЗ-
КИЙ, ГОРДЫЙ, НО, ПРИЗНАЮ, ОТВАЖНЫЙ, – НАРЕКАЮ ТЕБЯ РАЗРУШИТЕЛЕМ –
АБАДДОНОМ, ИСТРЕБИТЕЛЕМ СТАРОГО ПОРЯДКА, ТАНЦУЮЩИМ НА ПЕПЕЛИЩЕ
И АНГЕЛОМ С КЛЮЧОМ К БЕЗДНЕ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ ОСМЕЛИЛСЯ ВЗЯТЬ ЕГО И
УБЕДИЛ, ЧТО ЭТО ТВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. А СЕЙЧАС ВОЗВРАЩАЙСЯ, ЧТОБЫ
МНЕ СЛУЖИТЬ. ТВОЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО.

И ошеломленный, в полубессознательном состоянии, Даймон упал на доски эшафота. Он встал на колени и потряс головой, восстанавливая ясность зрения. Он понимал, что слышал не столько Голос Господа, но и свои мысли, и очень хорошо понял смысл Его послания. Он умер и воскрес. У него из носа потекла кровь, а боль в груди убедила, что кинжал Рагуэля не промазал. Он прижал руку к ране и попытался подняться.

Он хотел как можно быстрее спуститься с этого проклятого эшафота. Он прошел мимо плачущего архангела, пнул ногой кинжал с ониксовой рукоятью и блестящим от крови лезвием.

Он чувствовал себя слабым и больным. Площадь то приближалась, то удалялась, а здания совершали необычные прыжки.

С земли медленно поднимались ангелы, пустыми глазами они озирались вокруг. Вне-
запно кто-то закричал, протягивая руку в сторону эшафота.

Даймон как раз преодолел первую ступеньку.

Почти все головы повернулись в его сторону.

Вновь назначенный Разрушитель, шатаясь, невообразимо медленно воевал со ступенями. Руку он все еще прижимал к груди, словно держал там что-то очень ценное. На последней ступеньке он споткнулся и полным грации, неестественным движением согнулся, словно кланялся.

Камаэль и Разиэль одновременно подскочили к нему, но как-то неловко. Даймон посмотрел на них огромными бездонными зрачками, в которых отражалась космическая пустота. Эти глаза были старше, чем само время.

– Помогите ему! – крикнул архангел ошеломленным стражникам.

Но никто не двинулся с места, а Даймон на долю секунды замер на месте и упал на бок к ногам солдат.

* * *

Он попытался пошевелиться, но это вызвало какой-то далекий звук, похожий на стон.

– Кажется, он приходит в себя, – услышал он напряженный голос Камаэля. – Даймон, это я, Камаэль. Узнаешь меня? Живой?

– Нет, – прошептал он, невольно на его лице появилась улыбка.

– Слышишь меня? – спросил Разиэль.

– Ага.

– Видишь?

Он осторожно открыл глаза. Над собой увидел слегка размытые лица друзей.

– Да, – подтвердил он.

– Хвала Его Светлости! – с облегчением выдохнул Камаэль. – Ты даже не представляешь себе, какое безумие охватило Царство из-за твоего воскрешения.

– Рад вас видеть, – прошептал Даймон. Он попытался вздохнуть глубже, но воздух взорвался белым пламенем.

Разиэль наклонился к нему.

– Болит? – спросил он с легким недоверием.

– Зараза, Разиэль! Отстань от него! – раздраженно крикнул Камаэль. – Не видишь, что ли?

Разиэль бросил на него красноречивый взгляд.

– Я наложил на него тройное обезболивающее заклинание. Он не должен ничего чувствовать. Кроме того, он...

Он замолчал, потому что Камаэль грозно посмотрел на него. Даймон почувствовал нарастающее напряжение.

– Что я? – спросил он тихо.

– Труп, – сухо ответил архангел. – На самом деле ты мертв, Даймон. Ты чувствуешь, дышишь, твое сердце бьется, но кроме этого в тебе нет жизни в том смысле, как было раньше. Я не понимаю, как это возможно. Не спрашивай меня. Господь тебя воскресил, а мои знания ничтожны перед Его могуществом. Я просто рад, что мой друг вернулся.

– Я тоже, – серьезно произнес Камаэль. – Ты спас Царство, вел себя так, что все поняли, что такое честь Рыцарей Меча. Я рад, что ты принадлежал к моему подразделению.

– Принадлежал?

Камаэль развел руками.

– Господь определил для тебя другое задание. С этого момента ты стоишь над нами. У тебя есть право руководить всеми ангелами Разрушения, не только саранчой. Ты убедишься, что у тебя есть силы, о которых мы даже не мечтаем. Ты получил Ключ от Бездны и право уничтожать миры. Но я все равно твой друг, Даймон, но сейчас я не осмелился бы отдавать тебе приказы.

Фрэй на минуту прикрыл глаза. Он не мог справиться с мыслями. Его затрясло от того, что он услышал. «Ты – живой труп, – напомнил он себе. – Что за безумие! Я чувствую себя так же, как и всегда».

– Что говорят в Царстве? – спросил он. Лицо Камаэля омрачилось. Он не успел ответить, его опередил Разиэль:

– Разное. Большинство считает тебя героем, а твое воскрешение – чудом. Двор признал твою позицию как избранника Божьего, ты стал кем-то важным, хотя и опасным. Сюда заявился даже князь Сокет Хезы, но мы не впустили его, ты был без сознания, и он только мешал бы. Однако есть и те, кто проклинает твое имя и делает из тебя демона. Многие тебя боятся. Называют призраком.

– Ты мог бы не говорить этого, – прошипел Камаэль. – А еще утверждаешь, что у тебя есть талант к дипломатии.

– Лучше, чтобы он узнал это от нас, чем от них, – ответил архангел.

Даймон слушал их, словно они говорили о ком-то другом.

– Но я не изменился, – медленно произнес он.

– Знаем. – Разиэль кивнул. Его голос прозвучал неожиданно нежно. – Знаем. Проблема в том, что думают другие.

Внезапно перед глазами Даймона все закрутилось. Боль и стеснение в груди усилились.

– Много... времени прошло?

– Немного, – неохотно ответил Разиэль. – Пара дней. Не больше, чем две недели.

У Даймона не осталось сил даже удивиться.

– А... протез Господа? Ялдабаот...

Камаэль махнул рукой.

– За него не переживай. Ситуация слегка изменилась.

Даймон вопросительно смотрел на друзей. Разиэль пожал плечами.

– Понимаешь, небольшой бунт. Ожидаемый знак от Господа – и угадай, кто выходит на сцену?

– Габриэль, – закончил лидер Ангелов Меча. – За старым демиургом никого не было, он, ясное дело, впал в немилость. Грустно, да?

Даймон слегка улыбнулся.

– И что вы тут тогда делаете?

– Любим тебя! – Камаэль широко улыбнулся. – Выполняем долг милосердия и дружбы. Не бойся, про нас не забудут. Сейчас наступает педократия¹. Под нашим правлением Царство станет нормальным. Ну ладно, почти нормальным. Клянусь, мы постараемся, не так, как Ялдабаот.

– И никто не будет приговаривать к смерти героев битв, – улыбнулся Разиэль.

– Я не сомневаюсь, – буркнул Даймон не без сарказма, хотя он не сомневался в искренних намерениях друзей. Политическая власть всегда казалась ему больше делом гнилым, чем заманчивым. Но он верил, что изменения пойдут Царству во благо. Ялдабаот был сумасшедшим, а у архангелов были вполне разумные взгляды. В душе он радовался, что у него слишком мало сил, чтобы выразить это. С каждой минутой ему становилось хуже, и разговоры сильно утомляли его.

– Скажите... – начал он, но Разиэль подsunул ему к губам кружку с горячим, горько пахнущим напитком.

– Ты сейчас не совсем обычный, Даймон, – сказал он. – Твои раны заживают плохо и медленно. Ты не реагируешь на заклинания исцеления. Я наполняю тебя очень сильной магией, используя все свое мастерство и знания. Уважай мои усилия, ладно? Выпей это, отдохни, попробуй поспать и перестань разговаривать, хорошо?

* * *

Ялдабаот молча смотрел на стол, заваленный планами и картами. Аккуратные чертежи плясали перед его глазами, отвешивая насмешливые поклоны. Дорогие вышитые одежды мелодично шелестели при каждом шаге, но Ялдабаот этого не слышал. В голове все еще настойчиво звучали слова, произнесенные покалеченными губами; непреклонное заявление лояльности. «Я – верный рыцарь Господа! А ты, Ялдабаот? А ты?»

Великий Архонт, Владыка семи высот, перекладывал тонкими пальцами исписанные пергаменты, он был не в состоянии ответить самому себе, в какой момент перестал быть верным рыцарем Господа.

¹ *Педократия* – в переводе с греческого «власть детей». Доминирующее положение в государстве и общественной жизни принадлежит молодежи.

Глава I

Сегодня, много тысячелетий спустя

Разиэль захлопнул летопись. Кожанный переплет с тисненым узором тяжело упал. «Назначение Даймона было последним ярким событием в истории Царства, – подумал с горечью архангел Тайн. – Потом все полетело к чертям. Сначала все было хорошо. После изгнания Ялдабаота мы переняли власть. Молодые, полные огня, любившие Господа архангелы. Мы хотели начать новую эру, время расцвета, справедливости, свободы, мудрых, прекрасных идей. Мы старались. Работали как сумасшедшие. Когда Рафаэль и Габриэль посадили первые деревья в Садах Эдема, наши сердца быстро стучали от радости. И гордости. Большой гордости. Вот чего мы достигли. Мы поднимали новый, прекрасный мир, согласно распоряжению Господа. Мы, вторые с конца хоров в иерархии. Свободные от закостенелого этикета, от дворцовых игр, сильные, счастливые, молодые. Избранники Божьи».

Разиэль вздохнул. Когда все начало меняться? Уже тогда? Он хорошо помнил, с какой преданностью они служили, как глубоко посвятили себя великому делу Творения. Слишком глубоко? Они вращали планеты вокруг солнц, а солнца кидали прямо в бескрайнюю черноту космоса. В пустоте создавали что-то новое. Несли материю и идеи. Свет и мощь Творения. На Земле воздвигали горы, обозначали границы океанов, закладывали слои металлов между скал, формировали морское дно и создавали континенты. И принимали должности. Регент Солнца, Регент Месяца, Владыка четырех ветров, Глава стихий, Владыка третьей, шестой, седьмой высот, Военачальник, Великий Канцлер, Великий Архитектор, Великий Кормчий. Глава, начальник, владыка, не важно какой, главное – великий. Может, тогда уже все было впустую? Нет, они же не такие, как Ялдабаот и его архонты. Но, работая, они забыли про Господа. Не чувствовали на каждом шагу мощь Творения, не восхваляли каждым поступком необычные деяния Господа. Они потеряли чудо и радость Творения. Просто были усердными. А потом устали.

Разиэль водил пальцем по тисненому рисунку на обложке летописи. «Слова, – подумал он. – Буквы. Сколько эмоций они вмещают в себя».

Он открыл книгу наугад. «В этот день Господь решил создать еще одно существо по имени Адам Кадмон² и объявил Свою волю ангелам Своим», – было первое предложение на странице.

Разиэль помнил тот день, точно так же, как и другие после него. Ангелы не были удивлены новым заданием. Как ни странно, они не чувствовали ревности к первому человеку. Они поддерживали его, учили, присматривали так же, как и за животными на Земле. Они не видели для себя никакой конкуренции, как сейчас утверждают глупые сплетни в Преисподней. Они сопровождали Адама, а потом его потомков, людей, во все времена. Росли вместе с ними, менялись вместе с ними, выросли. Царство преобразалось, как и Земля, о которой заботились крылатые. Нет, не люди стали причиной раскола и падения каждого третьего ангела.

Князь Магов глубоко задумался. Никогда не мог понять, что подтолкнуло Люцифера к тому злосчастному бунту. Он хорошо знал его и видел, как сильно Люцифер был предан Господу. Разиэль был абсолютно уверен, что где-то глубоко за этим стоял Самаэль, рыжеволосый негодяй со злой, кривой усмешкой на заросшей красной щетиной морде. А в мотивы Самаэля нелегко проникнуть. Рыжеволосый архангел был словно заноза Хаоса, как вихрь, который

² Адам Кадмон (с ивр. «первоначальный человек») – первый духовный мир, духовное явление человеческой сущности, появившийся после сжатия бесконечного Света.

приходит неожиданно и разрушает здание, что казалось нерушимым, как сам Космос. Разиэль совершенно не удивился бы, если бы узнал, что Самаэль вопросом чести для себя решил склонить к бунту одного из самых преданных ангелов из-за обычного каприза, обычной подлости.

Господи, к какой трагедии привела эта глупая выходка. Люцифер не предполагал, как обычно, что там скрывать, что простая попытка щенка привлечь к себе внимание Господа закончится гражданской войной. А потом он уже не мог отступить.

Разиэль перелистнул несколько страниц. Его взгляд упал на случайное предложение: «После внезапного прекращения переговоров нельзя уж было дольше надеяться. Третья часть крылатых под предводительством того, кто по причине функций и имени должен нести свет, принес Царству только темноту, кровь и пожарища. Самая страшная из битв охватила мир, фундамент нового Божьего творения пропитался кровью как верных, так и взбунтовавшихся. Война между братьями».

Архангел Тайн перестал читать. Задумчиво он смотрел в окно. Сумрак сгустился над дворцами и садами Хайот ха-Кадоша, самой прекрасной частью Шестого Неба. Он спускался вниз по золотым и серебряным куполам зданий, окутывал остроконечные колокольни и изящные башенки, укладывался тенью на балконах и террасах, стелился среди фонтанов и клумб, славящихся красотой садов. Виллы и дворцы, один за другим, начинали сиять огнями, и через мгновение Хайот ха-Кадош выглядел словно ожерелье на синем платье ночи.

Но Разиэль, казалось, не замечал чарующего пейзажа. Перед глазами стояли картины, вызванные из мрака воспоминаний.

Сожженные хижины в Лимбо. Тесные, скромные домики ангелов служения с Первого Неба, превращенные буквально в пепел. Трупы и баррикады на улицах Второго Неба. Ограбленные магазины, сожженные каменицы, уничтоженные сады на Третьем. Административные здания, пугающие провалами окон, выбитыми дверями, разрушенными фасадами и оскверненными символами статуса Царства.

Михаэль во главе Воинства отбил отряды бунтовщиков только на Четвертом Небе. Они защищались до последнего, буквально воюя за каждый дом. Наконец регулярная армия смогла откинуть их за стены Царства и навязать последнюю битву в Лимбо на открытом поле. Люцифер, обезумевший от отчаяния, жаждал найти в этой битве свою смерть, но капризная костлявая не желала поддаваться его воле. Даже тогда, когда судьба вынудила его на поединок с командующим армией Царства.

Перед глазами Разиэля неожиданно появилось серое, как полотно, лицо Михаэля, сжавшегося в кресле в разрушенном кабинете регента.

– Я не мог... – повторял он снова и снова. – Пусть меня простит Господь, но я не мог его убить.

Голубые глаза командующего Воинством потемнели от боли.

– Он сказал: «Сделай это для меня, Михаэль». А я не смог. Понимаете, не смог... Проклятье, ну не мог я! Не смотрите так!

Молчаливые фигуры архангелов растаяли как дым.

На их месте появилось другое лицо. Погруженного в отчаяние, раздавленного, проклятого, которому незачем уже было жить. Маска, в которую превратилось после поражения лицо Люцифера. У Разиэля было время его рассмотреть, когда он тайно пробрался в темницу, чтобы сложить и перевязать покалеченную во время падения ногу нового владыки Преисподней. Люцифер, заметив его, отвернулся к стене и не произнес ни единого слова.

«Сделал ли он тогда добро или согрешил? – подумал Разиэль с горечью. – Совершил измену или оказал милосердие?»

Он закрыл летопись.

– Эта война, эта ужасная война, когда мы вынуждены были выступить против друзей, против братьев, – шептал он сам себе. – Это было лишь началом. Настоящая трагедия произошла позднее. Но об этом никто не узнает, ни из каких летописей. Пока я жив.

Он потер лоб.

«Все, – подумал он, – Габриэль, Михаэль, Рафаэль, я, все должны были умереть от отчаяния, когда узнали правду. Почему этого не произошло? У нас сердца из камня? Но мы же ангелы. Мы не можем жить, если Бог оставил Царство».

Он горько рассмеялся.

«Это твоя самая большая тайна, Князь Магов. Господь ушел из Царства, Бог оставил свое детище, свою крылатую паству и исчез. Мы даже не знаем, существует ли он еще. Он забрал царицу, совет святых и патриархов, Метатрона, своего любимого ангела, который песнею призывает к жизни новых крылатых, и личную гвардию, неотступных, безумных серафимов. Внезапно, без предупреждения, без намеков он осиротил Царство. Это все напоминает злую шутку, но не является таковой».

Разиэль хорошо помнил минуту, когда Габриэль, первым узнавший об этом, затащил его в тронный зал и показал пустой Белый Трон. У подножия трона сидел владыка хоров Серафимов, Серафиэль, совершенно невменяемый, издевательски ухмыляющийся. И так оно и осталось. Они совершенно одни.

В памяти князя Магов появилась картинка совещания, созванного после обнаружения шокирующей правды. Только в одном у них не было сомнений – никто ничего не должен узнать.

* * *

В кабинете, в личном дворце Габриэля на Луне, царила гробовая атмосфера. Рафаэль непрерывно плакал, отчаянные всхлипывания раздражали остальных. Михаэль подпирал подбородок кулаком, Габриэль нервно кружил по комнате. Разиэль теребил пальцами кончик косы. Они только что вступили в тайный сговор. Удалось переубедить оставшихся трех архангелов, имеющих право не вызванными появляться перед Белым Троном, держать язык за зубами. Остальные крылатые Царства должны были получить именной приказ появиться перед Божьим Ликом, чтобы узреть Его. Правда была такова, что большинство ангелов никогда не видели Бога. Поэтому заговор имел большой шанс на успех.

– Ну, мы сделали это, – хрипло произнес Габриэль. – По крайней мере, мы не допустили безумной гражданской войны, которая уничтожит мир.

Рафаэль застонал.

– Не знаю, действительно ли мы правильно поступаем. Мы должны рассказать правду.

Зеленые глаза Габриэля опасно заблестели.

– Не смей! – гаркнул он. – Ты поклялся, помни.

– Послушай, Рафаэль, – повторил в сотый раз Разиэль, – только воля Господа является гарантом нашей власти. Если правда выйдет наружу, на нас накинутся враги и узурпаторы со всего Царства, и мир захватят демоны.

– Если бы только демоны, – буркнул Михаэль.

– Вы снова говорите о власти! – всхлипнул Рафаэль. – Бога нет! Понимаете?! Он ушел! Оставил нас на произвол судьбы. На погибель.

Габриэль резко развернулся.

– Прекрати немедленно! – прошипел он. – Пока мы сидим за столом и делаем вид, что ничего не изменилось, у Царства есть шанс выстоять. Оно не распадется.

– Но мы хотим связаться с Люцифером! – возмутился Рафаэль.

Собравшиеся переглянулись. Действительно, хотели. Власть Господа распространялась как на Небеса, так и на Преисподнюю. Трон Люцифера зашатается еще быстрее, чем регента

Царства, когда станет известно, что Господь оставил Вселенную. Если доверить тайну Люциферу и его ближайшим сановникам, по крайней мере, они обретут союзника, который будет так же рьяно хранить этот секрет, как и они.

* * *

– Вот так, – громко сказал Разиэль, – Люцик и его банда снова стали нашими друзьями. Даже сейчас, через столько веков, Князь Магов не избавился от сомнений. Хотя хорошо знал, что, если снова появится возможность выбора, он поступит точно так же. Как и другие архангелы.

Заговор продержался много столетий. Кроме семи крылатых конспираторов и нескольких приближенных к Люциферу темных, к ним присоединился только Даймон Фрэй, ангел Разрушения. Габриэль был уверен, что ему можно доверять и Фрэй мог стать ценным источником информации. Сила Разрушителя, Уничтожителя Миров, просыпалась в нем только по прямому приказу Бога. Если бы Даймон превратился в Абаддона, архангелы получили бы доказательства того, что Господь непосредственно интересуется Царством. Однако меч Фрэя, Звезда Разрушения, ни разу со времени ухода Господа не запылал сиянием силы.

Разиэль вздохнул в очередной раз за этот вечер. У него больше не было желания размышлять о прошлом. Слишком много там было болезненных воспоминаний.

Князь Магов поднялся, отложил летопись на полку и решил, что для расслабления ему стоит немного поработать над эликсиром чистой радости. Он вышел из библиотеки и направился в сторону лаборатории. Едва он переступил порог, как почувствовал страшную боль в висках, перед глазами взорвались разноцветные искры, и он без сознания упал на пол.

* * *

Регент Царства, Габриэль, плохо спал этой ночью. В сонных видениях он был подвешен в пустоте глубокого Космоса, неподвижный и безвольный. Он видел звезды и планеты, кружащиеся в вечном танце, маленькие, гладкие, цветные. Наконец он понял, что это стеклянные шарики разного размера катятся по огромному столу, накрытому черным сукном.

Габриэлю не понравилось, что он не имел никакого контроля над этим видением. Ведь он же был владыкой снов. Он попытался воссоздать образ, изменить его, но не смог. Даже проснуться не смог. Так и лежал неподвижно, вглядываясь в танец стеклянных шариков.

Затем в его голове прозвучал глубокий, низкий голос, звук которого привел ангела в иррациональный ужас.

– Сыграешь для меня, Габриэль?

Регент Царства открыл рот, чтобы закричать, и неожиданно проснулся в своей кровати, дрожащий, как от сильного холода.

Страх исчез вместе с сонным видением, однако он оставил после себя странное беспокойство, которое не отпускало Габриэля даже с наступлением рассвета. Никогда до этого времени архангел Откровений не встречался со сном, над которым не имел власти.

* * *

Ужасная боль разрывала мозг. Сосредоточилась где-то за глазами и лилась оттуда, охватывая всю голову, переворачивая желудок, доставая до кончиков пальцев. Разиэль застонал. Сознание медленно возвращалось, но ему понадобилось много времени, чтобы принять тот

факт, что он, свернувшись, лежит на полу лаборатории. Он попытался пошевелиться, но ощутил в мозгу пронизывающий всплеск боли, и тело моментально обдало ледяным потом.

Он прикрыл глаза и позволил себе немного полежать. И сразу же провалился в темноту без времени и пространства, поэтому когда снова открыл глаза, то не знал, прошла минута или несколько часов. В одном он был уверен, тот, кто ударил его такой сильной разрушительной магией, умел ею пользоваться.

С большим трудом он встал на четвереньки, а потом на колени. Мир вокруг кружился, колыхался, наполненный яркими цветами и замысловатыми формами, как большой безумный корабль, дрейфующий в неизвестность. Разиэля затошнило, но он все равно пытался подняться на ноги. Дрожащими и потными пальцами он схватился за край стола, чтобы на него опереться, и услышал звон разбитого стекла. Мелкие осколки рассыпались по полу, и только тогда архангел понял, что скинул со столешницы несколько реторт. Пятна разлитой жидкости на полу начали испаряться. Резкий, неприятный запах хотя и раздражал ноздри, но отрезвлял Разиэля. Держась за стол, он смог подняться и, несмотря на ужасную боль и головокружение, снова не упасть. У него была проблема со зрением, маленькие предметы, на которые он смотрел, становились огромными, а большие казались маленькими или очень далекими. Он оближал сухие губы, попытался сплюнуть, чтобы избавиться от отвратительного послевкусия, которое всегда сопровождает отравление черной магией, но не нашел ни капли слюны.

– Хорошо тебя приложило, Разиэль, – прохрипел он себе. Он был архангелом Тайн, князем Магов, самым сильным чернокнижником и алхимиком в Царстве, принадлежал к семи архангелам, делящим абсолютную власть, главой тайной разведки, с которой могла сравниться только разведка Азазеля, а оказался атакован и сбит неизвестной магией в собственной лаборатории, защищенной, словно крепость. До этого момента он считал свой дворец, а в особенности лабораторию, самым безопасным местом, какое только знал, охраняемым заклинаниями, знаками и печатями, которые невозможно взломать. А теперь хмурый, больной, с трудом сдерживающий тошноту, он вынужден изменить свое мнение. Кто-то в самых мерзких закоулках Преисподней оказался настолько могущественным, чтобы пробраться в личные покои Разиэля и использовать против него заклятие, которое архангел не только не почувствовал, но и не мог распознать. А что хуже всего – он ничего не помнил. Вошел в лабораторию, проверил результаты опытов, записал их в книгу... О, Бездна! Книга!!!

Он зашатался, почувствовав слабость. Случайно перевернул высокую колбу, из которой густая зеленоватая жидкость пролилась на страницы открытой книги, не той, а обычной книги с банальными записями экспериментов, проводимых скорее для развлечения, чем с мыслью о важной работе.

Кривясь от боли, Разиэль опустился на колени, нарисовал пальцем на полу два сложных знака, которые за мгновение задрожали бледными, фосфоресцирующими линиями и впитались в доски. Он поднялся и, раскинув руки, нараспев произнес длинное заклинание. Потом выкинул вперед руку, выдавая горловой, приглушенный крик, прошел сквозь стену, словно она была из тумана, и оказался в своей тайной комнате, где и занимался серьезной работой, проводил интересные или опасные эксперименты и хранил важные документы.

Он направился прямо в правый угол комнаты, где стоял кривой столик на волчьих лапах, с потертой столешницей, где скалилась голова хищника, выполненная в технике инкрустации. Разиэль подошел к столу, выполнил над ним сложное движение пальцами правой руки, во время которого левую держал строго над головой, произнес глухим голосом несколько слов, прозвучавших так, словно кто-то скинул по лестнице банку с железными гайками, а потом решительно добавил:

– Зеленый язык, змеи голова. Кинжал в волчьей пасти черной. Произнесите-ка эти слова и, господа, идите вы к черту.

Он придумал этот пароль, потому что ему показалось это абсурдным и трудным для разгадывания. Воздух над столом завибрировал, вспыхнул и кристаллизовался в виде маленькой, богато украшенной шкатулочки. Когда Разиэль щелкнул пальцами, крышка отскочила. Ключ все еще был внутри, но его вид архангела не успокоил. Если кто-то оказался настолько могущественным, чтобы погасить его свечку, то, возможно, ему и не нужен ключ, чтобы добраться до Книги. Разиэль вытащил ключ из шкатулки и, приложив ладонь к стене, передвигал ее так долго, пока не ощутил вибрацию. Он наклонился, почти касаясь губами стены, и подул. В воздухе закружился мелкий магический песок, в стене появилось отверстие. Засовывая туда ключ, он заметил, как сильно дрожат его руки. У него была большая проблема – попасть в отверстие. Сердце билось о ребра, как муха в окно, и Разиэль пришел к выводу, что ничего не хочет так сильно, чем то, чтобы не открывать тайник. Но у него не было другого выбора. С закрытыми глазами он провернул ключ. Осторожно приоткрыл веки и замер. Невозможное стало реальностью. Тайник был пуст. Не помогло ни моргание, ни потирание глаз трясущимися руками. Книга Разиэля, собрание самых могущественных заклинаний и тайн мира, которые доверил ему Бог в последние дни Творения, исчезла.

– Он лично доверил ее тебе! Лично! – заскрежетал противный, язвительный голосок в голове архангела. – Ты за нее отвечал! Знаешь, что теперь будет? Догадываешься, правда?

– Нет! – закричал Разиэль, ударяя кулаком в дверь тайника с такой силой, что едва не сломал пальцы. – Это какое-то безумие! Кошмар!

– Конечно! – шипел голосок. – Это твоя задница горит, архангел Тайн.

И Разиэль вынужден был признать его правоту. Не было смысла и дальше всматриваться в пустой тайник, потому что проведи он за этим занятием хоть долгие годы, смог бы только убедиться, как долго там нет Книги.

Шок проходил медленно. Разиэля охватило мрачное настроение. «Собственно, а почему не дезертировать в Преисподнюю, отправиться в одиночное путешествие до конца Времен или присоединиться к банде Рагуэля, – размышлял он. – Тебе конец, архангел. И, если Книга попадет в руки какого-то сумасшедшего сукиного сына, это же можно сказать и про всю Вселенную».

Внезапно он почувствовал себя уставшим, больным и не самым молодым. У него болела голова. Его мучила тошнота. Он попытался наложить на себя исцеляющие чары, но был слишком разбит, чтобы сосредоточиться.

– Нужно любой ценой отыскать Книгу и найти ублюдка, который ее украл, – произнес он громко. Скривил губы в горькой усмешке, издевательски поздравляя себя с тем, что так легко нашел решение этой проблемы.

Он вернулся в лабораторию, не заморачиваясь маскировкой тайного входа, поскольку уже нечего было прятать. Посмотрел на разбитые реторты, на заляпанные страницы журнала и осознал, что ему нанесли страшный ущерб и собственный дом для него стал чужим и оскверненным.

– Ну, добро пожаловать, – буркнул он. – Заходи кто хочешь, бери что хочешь... сукины дети. Меня это больше не касается.

Он подошел к висящему возле дверей круглому зеркальцу в замысловатой кованой раме. Стукнул по нему пальцем. В тот же миг поверхность зеркала заполнило изображение ока с узким вертикальным зрачком, нанизанным на изящную горизонтальную ось.

– Габриэль! – произнес он приглушенным голосом. – Надо поговорить.

В эту же минуту око начало поворачиваться, сначала медленно, потом все быстрее. Зрачок раздвинулся, заполняя чернотой всю поверхность зеркала. Через секунду Разиэль увидел узкое лицо архангела Откровений, обрамленное прямыми, блестящими, как антрацит, волосами, подрезанными на уровне скул. Ярко-зеленые глаза смотрели на него пронзительно и холодно.

– В чем дело? – резко начал Габриэль, но, когда внимательно рассмотрел лицо Разиэля, изменил тон: – Что случилось? Ты выглядишь как смерть!

– Не могу сейчас рассказать, – сказал архангел Тайн понурым голосом. – Немедленно созывай всех доверенных. Нам нужно поговорить.

– Сейчас будем. Подожди, – произнес Габриэль и, не тратя время на вопросы, стукнул пальцем по зеркалу, погасив экран. Он слегка побледнел, его лицо вытянулось, а в сердце поселилось холодное зернышко страха, поскольку саркастичный, принципиальный Разиэль никогда не проявлял склонность к истерии. Он вызвал в своем зеркале изображение ока и тихо позвал:

– Михаэль? Ты тут?

В ту же секунду из черноты появилось открытое, красивое лицо архангела Воинства, обрамленное короткими шафрановыми волосами.

* * *

– Он у нас! Говорю вам, в этот раз он у нас! – приглушенный голос звенел триумфом. В огромном каменном здании царила тишина и темнота. Тусклый свет с улицы проникал через витражи, раскидывая по полу цветные пятна. Сложенные из разноцветных стекол сцены, изображавшие важные моменты извечной борьбы с Тьмой, представляли какими-то гротескными и искривленными. Могучие колесницы, казалось, рассыпались на части, а на лицах торжествующих ангелов появлялась гримаса безумного страха или ненависти. Искривленные фигуры переплетались между собой в неоднозначных позах.

Пятеро крылатых сидели за узкой, сбитой из грубых досок столешницей, стоящей на крестовине. В тени мрачных колон, под сводом, высоким, словно небо, они казались себе маленькими и слабыми. Тот факт, что они встретились в бывшем здании слушаний, приобретал какой-то зловещий смысл. Им стало не по себе, когда они осознали, как мало нужно, чтобы они оказались с глазу на глаз с настоящими следователями.

– Повторяю, в этот раз мы добрались до него! – выкрикнул мелкий, немолодой ангел, срываясь с места. – Господа, посмотрите на доказательства.

Дрожащими пальцами он разложил на столе бумаги. Ни один из оставшихся четырех крылатых не проявил особого энтузиазма.

– Ты не думаешь, что лучше оставить это в покое? – спросил смуглый, коротко стриженный ангел. – Это становится слишком опасным.

– В покое?! Сейчас, когда, наконец, он у нас на крючке! И еще на каком!

Мощного телосложения, светловолосый крылатый оперся локтями на стол.

– Выкрутится, – буркнул он. – Докажет, что чист, как слеза, а нас в лучшем случае отправит в казематы. Не хочу даже думать, что он с нами сделает, если будет не в настроении.

Смуглый кивнул головой.

– Точно. Сукин сын мстителен, словно змея. Напомнить, как он со мной обошелся? До сегодняшнего дня я хожу запятнанный как предатель, все сторонятся меня, нет ни нормальной должности, ни соответствующего положения. И что я ему такого сделал? А Рагуэль? Помните историю Рагуэля?

Помнили. Он был осужден, изгнан из Царства и официально признан демоном только за то, что добросовестно выполнял свои обязанности.

Воцарилось гробовое молчание.

Мелкий ангел все еще стоял во главе стола. Он тяжело дышал, дрожал, а его глаза блеснули от безумного отчаяния и ненависти.

– Вы не понимаете! – закричал он. – Сейчас ему не выкрутиться! Посмотрите на доказательства!

Смуглый, вздыхая, потянулся за документами. По мере прочтения его лицо становилось все больше напряженным. Молча он передал документы светловолосому. Тот просмотрел их еще быстрее, передал следующему крылатому, переглядываясь со смуглым смертельно серьезным взглядом.

– Господи! – прошептал он. – Если только они подлинны...

– Естественно! – триумфально воскликнул мелкий крылатый. – Я вам говорил...

– Откуда это у тебя? – прервал его смуглый, нервно заламывая пальцы. Мелкий слегка стушевался.

– Кто-то из высокостоящих решил нам помочь.

– Кто?

Низенький ангел пожал плечами.

– Разве это важно? У нас есть документы, и точка.

– Важно, – буркнул светловолосый. – Ну и кто это?

– Кто-то, кому надоела его тирания и всей его банды, которую он возглавляет. Кто-то могущественный, влиятельный и просвещенный, кто страдает, видя то, что происходит в Царстве.

– Что он потребовал взамен? – с подозрением спросил смуглый.

– Ничего. Просто кому-то не безразлична судьба Царства, как и нам.

– А если это западня?

– Ни в коем случае! Это замечательная, независимая личность, пользующаяся всеобщим уважением. Кто-то, кто не боится его подлых интриг.

– И он сам с тобой связался?

Мелкий возбужденно закивал головой.

– Господа! – закричал он. – Это расплата за наши обиды! Это рука справедливости, которая наконец раздавит гнусную кровавую вошь, паразитирующую на Царстве!

Светловолосый ангел потянулся за бумагами и взвесил их в руке.

– Это могущественное оружие, – сказал он. – Благодаря ему мы можем перевернуть Царство вверх ногами. Остается только надеяться, что документы подлинны и никто не расставил на нас силки, потому что с этой минуты мы все слишком глубоко в этом увязли, чтобы сейчас отступить.

* * *

Даймон Фрэй перелетал через огромное, безграничное пространство, испещренное осколками звезд. Кровавое гаснущее солнце выглядело в темноте как рана или разорванная пасть чудовища. С визгом пронеслись кометы, скаля безумные, смеющиеся рты. Их хвосты тянули за собой снопы искр.

Безумный порыв ветра воевал с длинными черными волосами ангела, выдергивая пряди из старательно заплетенной косы. Несмотря на кожаные перчатки, руки на луке седла заострелись, пальцы потеряли чувствительность. Ветер стегал по лицу, вынуждая его прищуривать глаза. Даймон ощущал нарастающую усталость. Ему докучала скованность в плечах и шее, укусы холода. Он был в пути бесконечное число дней, а несущий его на своей спине огромный вороной конь казался неутомимым. Копыта звенели в размеренном, ровном ритме, скорость не менялась ни на секунду. Коня звали Полюнь, и, как все скакуны парасим небесной кавалерии, он принадлежал к Божьим тварям. И поэтому был, естественно, абсолютно сумасшедшим. С точки зрения крылатых, безумие касалось всех bestий, которые вели себя непредсказуемо, разговаривали нелепо, появлялись и исчезали без объяснения причин и в большинстве случаев не реагировали на попытки договориться, поэтому контакт с ними считался невозможным. Не исключено, что они потеряли рассудок, когда Бог придумал их в Начале Времен, когда космос

еще не зародился и воображение самых могущественных крылатых не могло объять уникальность времен до Сотворения. Их разум был странным и чуждым. Бести появились, как дети Хаоса, первые игрушки Бога, которые наблюдали за Сотворением, но еще принадлежали к предвечной тьме. Божьи твари старше, чем свет, охваченные безумием, знающие тайны, которые и не снились самым величайшим ангелам, одиноко жили на краю Вселенной, в глубинах Праокеана, на территориях Вне-времени, и только скакуны, созданные позже всех, проявляли столько благоразумия, что могли массово служить в кавалерии.

Даймон знал Польшу много веков и считал его другом, поскольку конь многократно спасал его жизнь, но никогда не был уверен, что скакун действительно думает и понимает все так, как и он. Польшу был молчаливым и редко разговаривал по собственному желанию. И сейчас Даймону нужно было его мнение, хотя на первый взгляд все выглядело нормальным, его охватывало смутное беспокойство. Они приближались к границе мира. Дальше находились территории Вне-времени. Пограничье, как обычно, кишело сбежавшими из Бездны зловредными духами и бесформенными, немыслящими созданиями Хаоса, нескольких Даймону пришлось убить, но ничего не указывало на хоть какую-то серьезную опасность. Однако ангел Разрушения не мог избавиться от плохих предчувствий. Он не мог их объяснить, потому что не натолкнулся ни на одну вибрацию или щель в структуре мира.

Он положил ладонь на шею коня, низко склонился и закричал ему в самое ухо:

– Польшу, ты не заметил ничего странного?

Неприятный носовой голос коня отозвался прямо у ангела в голове. Ощущение не относилось к приятным, но Даймон смог к нему привыкнуть.

– Много меня удивляет, докуда дотянется моя память, когда я пытаюсь вспоминать прошлое.

Даймон тихо выругался. Ну конечно. Другого ответа он мог не ждать. Однако было холодно, он устал, у него было плохое предчувствие, поэтому Польшу его разозлил.

«Чокнутый ублюдок», – со злостью подумал он, сгибая и разгибая задубевшие пальцы, казалось, что они могут просто раскрошиться. Он закрыл глаза, вызывая видение выложенной бирюзовой эмалью и украшенной морскими мотивами ванны, наполненной теплой водой, в своем дворце в Царстве.

– Нехорошо расставаться с мечом, когда он может пригодиться, – услышал он вежливый голос коня. – А еще хуже погибнуть, не успев его вытащить.

В это мгновение Даймон ощутил волну мерзкой вони и едва не вылетел из седла, когда Польшу совершил мощный прыжок.

– Проклятье! – рявкнул он, выхватывая висевшее на спине оружие, когда увидел перед собой отвратительную искривленную морду появляющегося из темноты демона, обдавшего его новой волной смрадного дыма.

Перед лицом ангела блеснули маленькие злобные глазки, а мощная когтистая лапа прошла на волосок от его бедра. Даймон замахнулся, целясь в огромную голову твари. Демон завыл и застонал, охваченный пламенем. Секунду он безумно вслепую колотил лапами, пока не рассыпался в фонтане золотистых искр, медленно угасающих во мраке. Если бы он напал на обычного путешествующего с какой-то миссией крылатого, то без труда разорвал бы его на куски. Даймон Фрэй, ангел Разрушения, патрулировал приграничье еще и для того, чтобы ликвидировать подобные угрозы.

– Про него можно сказать «невменяемый», – отозвался Польшу с легкой укоризной. – Существует разница между разумом большим и мудрым.

– Извини, старик, – пробормотал Даймон, размышляя, откуда конь знал, что в мыслях он не считает его разумным. – И спасибо.

– Я тоже устал, – произнес скакун, неумоимо покоряя пространство, а Фрэй ощутил благодарность за его очевидную ложь.

«Как, к демонам, я мог не заметить этого демона, – подумал он. – Задремал, – решил. – Господи, плохо дело, если я начинаю засыпать в седле во время рутинной миссии. Старею, что ли?»

– Я долго спал? – спросил он. Конь потряс головой.

– Перед обликом вечности кто сможет оценить минуту?

«Долго, – понуро кивнул Даймон. – Черт возьми это все!»

– Темней, чем обычно, – неожиданно произнес Полынь. – Намного темнее, Даймон. Ангел нервно пошевелился. Он видел, что конь не имеет в виду разницу в насыщенности света.

– Ты что-то чувствуешь?

– Ничего. Это только предчувствие.

– Можешь его описать?

Полынь ни на секунду не сбился с ритма, но Даймону показалось, что тот словно пожал плечами.

– Так, как и ты, ангел Разрушения, – пробормотал тот. – Инстинкты. Беспокойство охотника, который знает, что что-то очень большое вышло на охоту.

Фрэй почувствовал дрожь, пробежавшую по крупу. «Он может быть прав, – подумал он. – Это абсурдно и нереально, но он может быть прав».

Он похлопал коня по шее.

– Доберемся до границы. Если ничего не случится, проедем немного по территории Вне-времени, хотя не исключено, что нам нужно будет вернуться в Царство раньше, чем мы предполагали.

Конь не отозвался, а его копыта безмятежно били темноту.

* * *

Габриэль сообразил, что в третий раз обходит вокруг стола. Он сложил руки за спиной, чтобы нервно не крутить на пальце перстень с печатью, знак его власти и положения. Когда он приблизился к стене, то заметил свое хмурое лицо, отразившееся в зеркале Разиэля. Он все еще не мог охватить размер катастрофы.

– Если бы я знал, как это случилось, то предотвратил бы это! – он услышал ироничный голос Разиэля. Повернулся и увидел худую фигуру архангела Тайн, согнувшуюся в высоком резном кресле. Он еще никогда не видел его в таком ужасном состоянии. Костлявые запястья, сложенные на коленях, казались сломанными и заканчивались безжизненно застывшими ладонями. Кожа была пепельного цвета, глубокие синяки под глазами, которые обычно сияли ледяным блеском, а сейчас помутнели. Голова архангела была перевязана.

– Я хотел только узнать, как кому-то удалось сюда войти и пробраться в тайник, – бормотал, оправдываясь, Рафаэль, архангел Исцеления, который сидел за столом напротив Разиэля.

– Не знаю! – рявкнул тот. – Без понятия! Он даже не потрудился убить меня. Вошел, вырубил, забрал Книгу и вышел. Как тебе нравится такая версия? Доволен?

Габриэль вздрогнул. Сколько он помнил Разиэля, тот никогда не повышал голоса. Катастрофа – это слишком мягкое обозначение.

Рафаэль отвел теплые карие глаза от лица князя Магов и посмотрел на свои ладони, лежащие на столешнице. Скорее всего, ему было жаль.

– Минутку! – рявкнул Михаэль, откидываясь на спинку кресла. – Чего ты злишься? У него есть право узнать, что произошло. У нас всех. Бог доверил тебе Книгу, которая пропала при таинственных обстоятельствах, и ты ничего не помнишь. Я правильно понял?

Разиэль побледнел еще больше.

– На что ты намекаешь?

– На что намекаю? Что у тебя была самая ценная вещь в Царстве, и ты позволил ее у себя украсть. Я знаю несколько определений для кого-то такого, и среди них хмурая коровья задница звучит как комплимент!

– Оставь его, Михаэль. Перестань огрызаться, – сказал Габриэль уставшим голосом. – Ты забыл, что это Разиэль, архангел Тайн, князь Алхимиков, лучший маг в Царстве. Думаешь, что он реально что-то упустил? Мы века работаем вместе, много столетий тому назад стали друзьями, вместе влезли в дело, за которое любой суд приказал бы содрать с нас кожу. Мы всегда доверяли друг другу. Если сейчас начнем грызться между собой, как бешеные собаки, нам конец. Я не могу поверить, что должен вам напоминать об этом. Особенно когда ситуация такая ужасная, значительно хуже, чем мы думаем. Книга исчезла. Это катастрофа, смертельно опасная для Царства, я согласен. Но кто и каким образом ее забрал? Постарайтесь понять, насколько могущественным врагом мы имеем дело, если он смог войти в лабораторию Разиэля, не оставив никаких следов, с легкостью оглушил его и забрал вещь, для охраны которой мы использовали все доступные нам силы. Я помню, что мы все наложили заклинания на Книгу. Разиэль должен был только присматривать за ней. Боюсь, мы будем воевать с чем-то, что превышает могущество каждого из нас по отдельности и всех вместе. Если вообще будем воевать.

– Это невозможно! – закричал Михаэль. – Не существует никого сильнее нас...

Он замолчал и побледнел так, что на его лице стали заметны золотые пятнышки веснушек.

Разиэль закрыл глаза.

– Действительно, никого, – прошептал он.

– Бред, – пробормотал неуверенно Михаэль. – Давайте думать серьезно.

Рафаэль нервно заерзал в кресле.

– Простите, но я не понимаю. Вы говорите про договор с Преисподней? Даже если они договорились между собой, то не решатся на войну. Они слишком слабы. Они не смогут с нами сравниться.

– Они нет, – буркнул Разиэль, – но существует кто-то, кто не только равен нам, но и превосходит нас.

Рафаэль стиснул зубы.

– Заканчивайте с этими загадками! Мы не играем в викторину для фаталистов!

Зеленые глаза Габриэля заблестели от досады.

– Рафаэль, – медленно произнес он. – Не делай из себя идиота, если не должен. Попробуй подумать. Это не так трудно.

Архангел Исцеления сглотнул.

– Вы с ума сошли, – застонал он. – Вы больные! Вы имеете в виду... Бога?

– Бинго! – буркнул Михаэль. – Вы выиграли!

– Сами не делайте из себя идиотов! Зачем Ему красть Книгу, которую Он сам продиктовал? Он всемогущий! Зачем Ему, к Бездне, список магических заклинаний!

Габриэль снова стал крутить перстень на пальце.

– Он не крал ее, – хмуро пояснил он. – Она исчезла. Он сделал так, чтобы она перестала существовать.

– Зачем? – настаивал Рафаэль.

– Чтобы лишить нас власти и защиты. Постепенно Он будет забирать у нас все связанные с Ним предметы, из которых Царство черпает силы. Боюсь, господа, что мы доживем до конца времен. Возможно, Бог захотел покончить с этим миром. Мы должны приготовиться к наихудшему.

– Подожди, Джибрил, – ласково вмешался Разиэль, используя имя, которым называл Габриэля джинн и которое в устах друга приобретало уменьшительно-ласкательное значение. – Если бы ты был прав, Бог бы убил меня, забирая Книгу. Это правда, что в Книге содержались

опасные заклинания, способные уничтожить мир, но настоящие тайны знаю только я. Наизусть, господа. Они никогда не записывались.

Габриэль сглотнул слюну, словно это было горькое лекарство. Он знал, что Разиэль является архангелом Тайн, но до этого момента не подозревал, насколько огромное значение он имел. Он старался проигнорировать приступ ревности и не показать, насколько сильно ранило его признание Разиэля. Однако он не смог не задаться горьким вопросом, почему ему не доверили никакой действительно существенной тайны.

Поднявши голову, он встретил сердечный, безрадостный взгляд князя Алхимиков. Тогда в одну минуту он понял весь груз ответственности, которую Разиэль нес веками, и, вспомнив о безмерной власти, что досталась ему самому, пришел к выводу, что каждый из них получил соразмерное могущественное бремя. Михаэль кашлянул, неуверенно посмотрев на Разиэля.

– Не пойми меня неправильно, – начал он, – но что бы случилось, если бы ты попал в плохие руки и кто-то, хм... попытался склонить тебя поделиться секретами наивысшей силы без твоей воли. Ты думал об этом? Не то чтобы я верил, что дойдет до такого, но ведь может.

Архангел Тайн криво усмехнулся.

– Когда-то Бог доверял мне, Михаэль.

Габриэль вздохнул.

– Когда-то Бог доверял нам всем.

Тишина, что воцарилась, звучала понуро. Четирем собравшимся в лаборатории крылатым никто не должен был напоминать про иронию их положения. Они принадлежали к семи архангелам Божьего Присутствия, делили абсолютную власть в Царстве вместе с регентом Солнца Уриэлем, архангелом Покаяния Фаризэлем и Саризэлем, который недавно погиб, раскрыв заговор демоницы Лилит. Они были избранниками, выдвинутыми на самые высокие посты, хотя перед этим архангелы принадлежали к предпоследнему хору, выполняя функции непосредственных начальников простых ангелов. Михаэль был повышен до ранга серафима, а Габриэль – херувима, до двух самых высоких уровней небесной иерархии. Вся семерка имела право когда угодно появляться перед Божьим Троном, только Трон теперь был пустым.

Бог оставил Царство. Ушел, забрав с собой серафимов, нескольких пророков, патриархов и святых вместе с Метатроном – своим любимым ангелом, воспевающим хвалебные песни в честь Божьего величия, мощным голосом призывая к жизни новых крылатых. С того времени в мире не родилось ни одного ангела. Вместе с Богом ушла Царица, а сила, наполняющая Царство, медленно и равномерно истощалась, поскольку Божий Дух больше не проникал сюда. С течением времени многие более чувствительные ангелы стали ощущать недостаток Светлости и тосковали по Богу. Нарастало беспокойство, недовольство, роптание. Жаждающие силы ангелы начали возвращаться на Землю к местам, которые раньше посещала Царица. Доходило даже до скандальных пристрастий к связанным с ней предметам. В результате этого появилась управляемая главным образом Преисподней нелегальная торговля водой из Лурда или травой из Фатимы.

Вспыхивали какие-то бунты, путчи, заговоры. Архангелы, благодаря главным образом решительности и способностям Габриэля, удерживали все Царство твердой рукой, но хорошо понимали, что сидят на бомбе. Как-то до этого момента им удавалось скрывать исчезновение Бога, правда, пришлось создать коалицию с элитой темных из Преисподней. Этот замысел походил на государственную измену, и в минуту, когда бы об этом стало известно, это означало не только конец карьеры или изгнание, но и немедленную встречу с палачом. Только Бог имел право осудить по-другому, но с Богом не было связи. Договор с Люцифером и его приближенными был смертельно опасным, но архангелы не нашли другого выхода. Тем временем ситуация в Преисподней была еще менее стабильной, чем в Царстве. Формально власть принадлежала Люциферу, воцарившемуся в Преисподней после неудачного бунта против Бога. Однако старая адская аристократия – ангелы, которые с начала времен, когда Господь оконча-

тельно разделил Свет и Тьму, перешли на сторону хаоса, – считала Люцифера, которого они прозвали Лампочкой, исковеркав его архангельское имя Несущего Свет, узурпатором и тираном. Люцифер не имел достаточно сил задавить их, а они были слабы, чтобы выбить из-под него табуретку. К тому же зажиточных темных не слишком волновала центральная власть, они содержали частные армии, неустанно ссорились с соседями и проводили политику, противоречащую интересам Преисподней. Большинство земель принадлежало магнатам и удельным князькам, ибо, в отличие от Царства, Преисподняя считалась анклавом абсолютной свободы. В связи с этим в случае опасности Габриэль мог призвать к оружию все Воинство, то есть каждого ангела в Царстве, а Лампочка мог выставить небольшой контингент, на какой хватит его личных средств, и надеяться на лояльность друзей, с которыми в Преисподней дела обстояли не лучше. Тем не менее Люцифер оставался самым могущественным из темных и был у власти со времен своего падения.

Исчезновение Бога ставило как архангелов, так и Лампочку в очень затруднительное положение, ибо только воля Светлости была гарантом существующего порядка вещей. Раскрытие тайны равносильно началу гражданской войны и тотальному хаосу, потому что к власти будет стремиться каждый, поскольку Бог оставил своих любимчиков. Поэтому темные и светлые должны были сотрудничать, официально оставаясь врагами, чтобы удерживать не только свое положение, но и нынешнюю структуру Вселенной.

– Нет сомнений, что нужно немедленно начать поиск Книги, – сказал Габриэль. – Только остается одна проблема. Мы скажем Люцику или это только наша собственная проблема?

– Я бы воздержался, – Михаэль провел рукой по волосам. – Может, получится найти ее без лишнего шума.

– Завидую вере в чудеса, – скривился Разиэль. – Я в состоянии только ждать катастрофы и расплачусь от счастья, если Книгу удастся отыскать.

– То есть ты считаешь, что Лампочку стоит уведомить? – Габриэль игрался с перстнем.

– Нет. Чем меньше особ знает, тем лучше. Зачем нам еще и паника?

– Рафаэль?

Архангел вздрогнул.

– Вы же знаете, как мне трудно привыкнуть доверять темным. Разиэль прав.

Габриэль вздохнул.

– Все в порядке. Тогда барахтаемся в этом болоте сами. Как по мне, я считаю, что лучше не привлекать Уриэля и Фануэля. Они не одни из нас.

Трое архангелов кивнули.

– Ты ничего не помнишь, Разиэль? Совсем ничего? Напрягись. Ты использовал магию?

Архангел Тайн посмотрел на архангела Откровений хмурым взглядом.

– Использовал, а как же. У меня от усилий чуть голова не лопнула. И ничего. Никаких следов. Я даже не в состоянии определить, какого вида заклинание было использовано.

– Лучше твоих, – буркнул Михаэль.

Разиэль не стусевался.

– Лучше. А это не к добру.

Габриэль потер уголки глаз.

– Если он не справился, то никто бы не справился, Михаэль. Про магию в таком случае мы можем забыть. Есть другие предложения?

– Отправим Зофиэля.

Михаэль фыркнул.

– Почему ему мы должны доверять? Ты понимаешь, насколько серьезная проблема? Наши задницы зависят от этого. Нужно поднимать войска.

Разиэль криво усмехнулся.

– Если мы не доверяем собственным шпионам, то мы в шаге от паранойи, Михаэль.

– Это не мой шпион! – рявкнул Михаэль, – он только твой! Может, он тоже потеряет память и передаст информацию кому-то не тому.

Зрачки Разиэля сузились.

– Ты точно хочешь, чтобы я услышал то, что ты сказал?

– Заткнитесь! – рявкнул Габриэль. – С кем я связался! Банда кретинов! Ну что, повыбивайте зубы, пока я это не сделал. Ну, чего ждешь, Разиэль?! Дай ему в морду. Давай, Миха. Дай ему пинка! Ну же, пни. Разбейте свои головы. От них и так никакой пользы!

– Ладно, – буркнул Михаэль. – Простите. Меня занесло.

– У меня голова разрывается, – пробубнил Разиэль. – Не контролирую себя.

– Согласен отправить Зофиэля, – сухо произнес Габриэль. – Хотя не понимаю, почему разведка не знала о планируемом похищении Книги. Это говорит не в ее пользу. Будем считать, что виной служит уникальность ситуации. А ты, Рафаэль? Не осчастливишь нас какой-нибудь идеей?

Рафаэль нервно теребил рукав.

– Поговорим с Серафиэлем.

Габриэль вздрогнул. Ласковые глаза архангела Исцеления неуверенно смотрели на него.

– Существует шанс, очень слабый, знаю, что он действительно разговаривает с Богом. Может, услышим что-то, что нам поможет, или хотя бы подбодрит.

«Из нас всех только Рафаэль не утратил веры, – подумал Габриэль с горечью. – Для меня встреча с Серафиэлем стоит столько же, сколько поболтать с ножкой стула».

– Все в порядке, – однако сказал он. – Посетим Серафиэля.

Он услышал, как Разиэль и Михаэль резко выдохнули. Серафиэль был лидером хора Серафимов, самого высокого в небесной иерархии. Их имя означало «пылающий», созданные из огня, окружающие Божий Трон, постоянно восхваляющие Его всемогущество. Они были чужими даже для высших ангелов. Они были слишком близко к Господу, чтобы оставаться нормальными. Они стали Божьим инструментом, личной стражей у Трона, могущественными существами, вызывающими страх. Уходя, Бог забрал их с собой, оставив только Серафиэля, который утверждал, что является связным со Светлостью, но говорит и ведет себя так, словно полностью потерял рассудок. Контакт с Серафиэлем был не слишком приятным, а безумный серафим был настолько мягким и вменяемым, как торнадо или атомная бомба.

– Идемте, господа, – решил Габриэль. – Лучше это рандеву поскорей оставить позади.

Архангелы неохотно поднялись.

Во дворе, посреди журчащих фонтанов и мелких, выложенных мозаикой бассейнов, где плескались экзотические гидры Разиэля, ожидали скакуны, явно погруженные в беседу. Они общались мысленно, сложными и определенными символами, даже Габриэль не мог их понять. Когда кони увидели архангелов, то прервали болтовню, любезно склонив головы. Гордостью дома был стройный, элегантный рысак Разиэля по имени Ляпис, с сияющей серебром и лазурью шкурой. Рядом с ним стояла Звезда Рафаэля и массивный, рыжий, как ржавчина, Клинок Михаэля. Облако, предводитель скакунов парасим, тряхнул гривой, приближаясь к Габриэлю. Он был самым могущественным из коней, пыль, что сыпалась из-под его копыт, исцеляла больных и оживляла мертвые предметы. Его шкура была ослепительно белой. В битве он значил больше, чем разогнавшийся Трон.

– Сегодняшний день, словно утро на поле боя. Одним приносит радость, другим зазубрины на мече. Ты увидел своих друзей в печали и скорби, а я в радости, архангел Откровений. Временами веселее быть скакуном, чем князем, – услышал в своей голове Габриэль. – Ты желаешь отправиться в путешествие?

– Едем на Седьмое Небо. Извини, что так долго ждали.

– Долго ждут только лучших времен, – засмеялся конь.

Габриэль оседлал скакуна. Остальные архангелы уже были в седлах.

Через голубые кованые ворота дворца Разиэля они выехали на улицу. Солнечные лучи ложились золотыми пятнами на мостовую, рассыпали многоцветные огни по карнизам, крышам и куполам домов. Архангелы проехали через Хайот ха-Кадош, самый красивый район Шестого Неба. Башни дворцов, белые и хрупкие, словно сахарное украшение, кидали лазурь в объятия ажуря. Каскадные сады тянулись до облаков, поднебесные мосты, словно полоски тумана, связывали кружевные конструкции.

Габриэль глубоко вздохнул. Он веками смотрел на эти улицы, но его до сих пор охватывал восторг. Он немного успокоился, черные мысли уже не были такими навязчивыми.

«Царство не погибнет, – сказал он сам себе. – Оно слишком могущественное, слишком прекрасное. Поступки ни одного из нас не могут ни угрожать ему, ни спасти его. Царство – это воплощенная идея Бога».

На улицах царило оживленное движение. Всадники проезжали мимо колесниц и паланкинов, в тени портиков прохаживались гуляющие. Многие с почтением здоровались с проезжающими архангелами.

Через Ворота Восемнадцати Игл они попали на Седьмое Небо. Воздух тут был наполнен запахом мирры, улицы превратились в аллеи изумительно прекрасного сада. Они ехали мимо скверов с деревьями жизни, пересекали ручьи с целительной водой, объезжали фонтаны радости и благословенные луга. Сонные цветы шептали им легенды о Рае, а золотоглазые сальфы скользили через лазурь, словно изваяния из солнечного блеска.

Наконец среди зелени появились стройные башни семи дворцов Трона. Их купола пламени, как медь в очаге. Могучие здания, ослепляющие белизной мрамора и блеском кристалла, несмотря на свои размеры, казались легкими, словно вот-вот вознесутся к облакам. При входе, в молчании, замерли двенадцать грифов, размерами превосходящих драконов, готовые разорвать каждого, кто слишком приблизится к дворцу.

Архангелы, имеющие привилегию появляться перед Троном, не задержанные никем, проехали ворота под тяжелым взглядом этих созданий.

– Если когда-нибудь они свихнутся, то порубят нас в капусту, – тихо пробурчал Михаэль.

– Не остановишь их, Миха? – удивился Рафаэль. – Ты – архангел Воинства.

– Одного, может, двух, но не двенадцать. Этих не остановил бы и Судный День. Красивы, правда? Посмотри на их линии, на размер крыльев! Совершенство! Я бы многое отдал, чтобы иметь таких в воздушном Воинстве. Они выглядят лучше, чем самые большие драконы Велиала. Они разнесли бы их за три секунды. Бьюсь об заклад, что они долетают до самого Озера Огня в центре Преисподней без остановки.

– Из того, что я знаю, мы не планируем атаку на Озеро Огня, – отозвался Разиэль. – У тебя есть какие-то свои планы, Миха?

– Ну точно получше, чем терять предметы, имеющие ключевое значение для защиты Царства. Я, в отличие от некоторых, стараюсь их хранить.

– Заткнитесь, – зловеще прошипел Габриэль. – По-хорошему советую.

Михаэль проигнорировал опасный блеск в зеленых глазах, выровнялся в седле.

– Облажался, а еще дерзит! Все Царство заплатит за его некомпетентность!

– Я сказал, хватит! – лицо Габриэля искривилось от ярости. Никто не заметил движение его руки или поворот тела. Михаэль внезапно вылетел из седла, описал в воздухе дугу и упал между лилий. Удивленные архангелы склонились над ним. Клинок, выведенный из равновесия силой удара, гарцевал на мостовой, и его копыта скользили на камнях.

Рафаэль и Разиэль раскрыли рты. Михаэль, потирая челюсть, выбрался из клумбы.

– Герои, да? – сдавленный голос архангела Откровений звучал как рокот. – Хорошо развлекаетесь? Понравилось, Миха? Повторить?

– Не нервничай, Джибрил, – Разиэль сглотнул слюну. – Это было не всерьез.

Два зеленых лезвия просверлили Князя Магов насквозь.

– Знаю, идиоты. Не разговаривай со мной. Тебе бы тоже перепало, если бы ты не выглядел как труп в отпуске, к тому же я еще не до конца вышел из себя. Что с вами происходит? Господи, вы же элита Царства! Вставай, Михаэль!

Облако приблизилось к клумбе, и Габриэль протянул руку.

– Вставай.

Архангел Воинства заколебался, посмотрел на лицо друга и подал руку.

– Мне жаль, – сказал Габриэль. – Я не хотел.

– Все в порядке, – Михаэль отряхнул штаны. – Мне тоже жаль.

Он сел на коня, и они двинулись дальше. Хмурый, задумчивый Габриэль ехал молча, скрестив руки на луке седла, и ни один из архангелов не проявлял желания поболтать.

Смущенный Разиэль виновато поглядывал на Михаэля. Тот только криво усмехнулся.

– Он рассвирепел, – прошептал Михаэль. – И приложил меня!

– Я наложу на тебя исцеляющее заклинание, чтобы не опухло, – буркнул Князь Магов.

Михаэль пожал плечами, но позволил Разиэлю пробубнить над собой несколько заклинаний и щелкнуть два раза пальцами.

Рафаэль, тащившийся позади, был настолько шокирован и подавлен, что даже не отреагировал.

На последнем дворе они сошли с коней, прошли огромные ворота Дворца Трона. Все еще молча они прошли следующие восхитительные, изящные залы, пока не остановились перед Тронным залом.

Внутри их охватил жар и монотонное шипение пламени. Сжавшись, у основания пустого Трона сидел Серафиэль. Верхняя пара тонких, как пергамент, крыльев прикрывала удлиненную овальную голову, нижняя охватывала ноги, а средние крылья, прилегающие к спине, со свистом развернулись при виде ангелов. Его тело казалось созданным из огня, вся фигура постоянно дрожала, выделяя нестерпимый жар, вспыхивающий и угасающий, словно пламя в очаге. От него шло сияние, но оно не ослепляло, даже не освещало пространство.

Лидер серафимов склонил голову набок, посмотрел на прибывших огромными бесстрастными глазами.

– Мост, по которому вы идете, рушится, господа ангелы, – услышали они низкий, свистящий шепот. – Что вы тут ищете, крылатые? Лекарства от страха?

Габриэль с трудом сглотнул слюну.

– Ты утверждаешь, что разговариваешь с Богом, – начал он, надеясь, что его голос не дрожит. – Потому нам нужен совет. Пропала ценная вещь...

Он замолчал, поскольку его прервал отвратительный хохот, исходящий из горла серафима.

– Овечки мои! Мне жаль! Но идите плакать в другое место. Это комната Трона. Роняйте свои слезы над реками Вавилона, во мраке Шеола, нанизывайте их как бриллианты, сыпьте перед свиньями и другим сбродом. Нужен совет? Вот он. Смирение, птички мои, тяжелые времена всегда приходят без приглашения.

– Хорошо, – буркнул Габриэль. – Уходим. Он бредит, как обычно, Рафаэль.

– Невероятно! – пробормотал серафим, со свистом расправляя верхние крылья. Порыв горячего воздуха ударил ангелов в лицо и растрепал волосы. – Сами себе дайте совет. Храбрые пташки! Я восхищен вами. Вы все еще сильны. Кем тебя сделал Бог, Джибрил? Херувимом? Я помню. Но ты ли вырезал основы мира в бесконечном мраке? Не помню тебя там, архангел. А ты, Михаэль? Тебя сделали серафимом! Ты такой же, как и я. Сделай то, что пристало серафимам. Пой вместе со мной! Восхваляй Божий Трон!

– Уходим! – крикнул Разиэль, но серафим уже поднялся. Затрепетал тремя парами крыльев, вызывая вихрь, горячий, словно пески пустыни.

– СВЯТОЙ, СВЯТОЙ, СВЯТОЙ, – зарычал ураган, а оглушенные, шатающиеся на ногах архангелы вслепую искали выход из комнаты посреди бушующего вихря пламени.

– ГРОЗНЫЙ КОРОЛЬ МОРЯ, ВЛАДЕЮЩИЙ КЛЮЧОМ НЕБЕСНЫХ ПОРОГОВ, МЧАЩИЙСЯ НА КОЛЕСНИЦЕ ВОКРУГ МИРОВ...

– Где эти проклятые двери?

– ВЛАСТЕЛИН БЕСКОНЕЧНОСТИ, ГДЕ ВОЗВЫШАЕТСЯ ТРОН ТВОЕГО МОГУЩЕСТВА, С ВЫСОТЫ КОТОРОГО ТВОИ СТРАШНЫЕ ГЛАЗА ВИДЯТ ВСЕ...

– Рафаэль, где ты? Отзовись.

– СЕРАФИМ МИХАЭЛЬ, ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПОЕШЬ СО МНОЙ? НЕ МОЖЕШЬ?

– Сукин сын нас изжарит?

– ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ, КРЫЛАТЫЕ?

Габриэль беспомощно шупал стену, споткнулся, упал и больно ударил колено обо что-то твердое на полу. Порог, это порог! Он поднялся и нащупал ручку.

– Я нашел двери! – хрипло закричал он. – Сюда!

Он навалился на двери и открыл их. Жар вырвался в коридор, а внутрь зашло немного восхитительного прохладного воздуха.

– Сюда! – закричал Габриэль, и они по очереди, задыхающиеся, с трудом хватаящие воздух, вывалились из Тронного зала. С ними прощался язвительный смех серафима.

Последним выбрался Михаэль, и Габриэль с облегчением захлопнул дверь.

– Этот псих хотел нас задушить! – прохрипел архангел Воинства, вытирая заслезившиеся глаза. – Почему вы ничего не сделали?

– Я должен был разнести зал Божьего Трона? – Разиэль тяжело дышал, оперевшись о стену.

– Точно, – буркнул Габриэль, вытирая лоб. – Риск был слишком велик. Он знал, что мы не сможем защищаться. Хотел заставить нас сбежать, унижить.

– Это ему удалось.

Михаэль тряхнул шафрановыми локонами.

– Он слетел с катушек. Стал опасным.

– Простите, что втянул вас в это, – прошептал Рафаэль. – Я надеялся, что он нам поможет.

– Помог провентилировать легкие.

– Что на него нашло? – Разиэль пожал плечами. – До этого он вел себя спокойно.

– Не знаю, – Габриэль задумчиво потирал подбородок. – Ну ничего. Идемте, нужно заняться поисками Книги. Мы не можем терять время. Вызовешь Зофиэля, Разиэль?

Архангел Тайн кивнул.

– Ладно, Михаэль, сложи список наиболее надежных крылатых среди воинства. И одновременно тех, в чьей верности у тебя есть хотя бы малейшее подозрение, отправь с долгими и далекими миссиями. И конечно же ответственными, чтобы никто не мог придрататься. Это на всякий случай, господа. Да, стоит увеличить активность служб безопасности. Сейчас мы не можем допустить никакого заговора или недовольства. Займись этим, Разиэль.

Во дворе они снова сели на коней, снова минули райские виды Седьмого Неба, но Габриэль не мог прийти в себя после инцидента с Серафиэлем. Ему казалось, что безумец знал больше, чем они думали, а его свистящий голос предвещал катастрофу намного серьезнее, чем воровство магической Книги.

* * *

Вереща какие-то заклинания без слов, огромный метеор пролетел рядом с Даймоном. За мгновение ангел Разрушения увидел выпученное, полыхающее око размером с огромную площадь. Немного дальше мчалось целое стадо, кувыркаясь, визжа и налетая один на другого.

Среди темноты рассыпались гейзеры разноцветных огней, выплевывающие снопы искр. Они разлетались, словно звезды, которые высыпают из ведра в окно в соседней вселенной.

Полынь без следа усталости несся галопом через мрак. Вспышка какого-то солнца на миг размазала полосы бело-голубого блеска, обрисовывая силуэт коня и наездника контуром разряда, словно барельеф на бляхе. Взрыв ослепил Даймона, какое-то время у него перед глазами прыгали только разноцветные брызги огней.

– Смотри, граница, – услышал он голос коня.

Он прищурил слезившиеся глаза. Действительно, перед ними, там, где темнота еще недавно казалась совершенно непроглядной, появилась тонкая, фосфоресцирующая серебряная и аквамариновая линия. Она становилась больше по мере приближения к ней, чтобы превратиться в стену вибрирующего света. Она выглядела как волна океана, остановленная в шторм.

– Заходим? – спросил Полынь.

– Да.

– Люблю это! – закричал конь, переходя в галоп. Свист ветра в ушах Фрэя перешел в рев, звезды превратились в золотой серпантин, а скорость вбила выдох назад в легкие.

«Я люблю это значительно меньше, чем он», – успел подумать ангел, пока конь не ударился в волну. Даймон был уверен, что стиснул зубы, но среди гула и грохота ему казалось, что он слышал собственный крик. Его затопила волна призрачного, сияющего аквамарина. Вибрирующая энергия проникала в него, он чувствовал пульсацию силы, словно падал в самое сердце гигантского существа. В голове проносились тысячи мыслей, но ни на одной он не смог сосредоточиться и понял, что ни одна не принадлежит ему. Невольно он закрыл глаза, поскольку вихрь серебристой зелени, появляющийся из ничего и проносящийся со свистом в аквамаринном сиянии, явно намерен поглотить его вместе с конем. Когда он уверился, что пройти не удастся, ощутил удар лошадиных копыт о твердую поверхность.

Он открыл глаза. Вид территорий Вне-времени компенсировал неприятные ощущения, связанные с переходом границы. Даймон любил смотреть на могучие машины, которые с незапамятных времен приводят в движение Вселенную. Огромные зубчатые колеса вращались, тихо поскрипывая. Деревянные колышки, хотя старые и потертые, с удивительным совершенством входили один в другой, натягивая ремни. Система передач и лебедки работала безупречно, натянутые тросы поднимали и опускали гири, рычаги всегда попадали в нужные места. Ангелы, назначенные обслуживать машины, часто жаловались, что механизм устарел, но это были необоснованные жалобы. Замысловатое, монументальное оборудование не ломалось никогда и требовало чуть ли не минимального обслуживания. Неутомимые в своем беспрерывном движении, они определяли траекторию звезд и планет, вращали космические зубья без малейшего отклонения или ошибки. Колеса, оси и перекладки тянулись до самого горизонта, создавая гигантский механизм, для обслуживания которого, как ни странно, не требовалось много крылатых. Естественно, включая работающих на внутренней стороне, непосредственно при небесных телах, их количество возрастало до миллиарда, хотя после пересечения границы Вне-времени можно путешествовать много дней и не встретить ни одного ангела.

Даймон смотрел на старые машины с симпатией. Их вид всегда его успокаивал, позволял снова поверить в величие и целесообразность замыслов Божьих. В работу, которую он делал, и такие минуты имели свою ценность. Деревянные колеса равномерно лязгали, ремни скрипели. Насыщенный дымкой воздух озарялся сиянием, не имеющим конкретного источника. Горизонт был невыразительной линией среди перламутровых и оранжевых испарений. Маслянистые отблески преломлялись на темном скользком дереве. Стук копыт Полыни стал тихим и глухим. Наездник и конь отбрасывали бледную, размытую тень.

– Место спокойней, чем это, существует в воображении самодовольного лицемера, – буркнул Фрэй. – Начинаю надеяться, что наш инстинкт охотника – это только атака мании преследования.

– Точно, – ответил Полынь. – Ожидать стоит только пастушьи пастбища и стада.

– Эй, стой! Там что-то движется. – Ангел приподнялся в седле, вытягивая руку. – Видишь?

Далеко между зубьями машин маячила невыразительная тень. Странно мерцала, и казалось, что она передвигалась нескоординированными зигзагами. Размером она равнялась деревянным шестерням.

– Существо, – произнес конь. – Дитя Хаоса.

– Зараза, – прошипел Даймон, вытягивая меч. – Тварь огромна!

Конь дернул головой, раздул ноздри, готовясь к бою. Темный силуэт перед ними дрожал, окутанный полосками мглы. Полынь увеличил шаг, ускорился, Даймон крепче обхватил рукоять меча. Его удивила встреча с драконом Тьмы на контролируемых Царством территориях. Дракон либо безрассудный, либо больной, чтобы забраться сюда. Так близко к границе его ждала только смерть. Фрэй не ожидал проблем, несмотря на преобладающие размеры твари. Он убил их так много, что готовился к быстрой рутинной схватке, что в уродливом виде напоминает убой. Ему не нравились такие встречи, но это была часть его работы. Хотя он и напрягал зрение, но не мог распознать, к какому виду принадлежит дракон. Он плохо его видел, а то, что смог рассмотреть, не казалось знакомым.

«У него странная форма», – промелькнуло в его голове.

Они находились уже достаточно близко, чтобы ощутить волны поразительной вибрации, которые испускала тварь. Они были такими сильными, что перехватывало дыхание, однако совершенно другими, чем известная энергия Хаоса. Наконец он узнал создание, очень удивился, чтобы сразу поверить своим глазам.

«Зараза, это никакая не тварь! Это Животное, Божья бестия».

– Стой, Полынь! – закричал Фрэй. – Не атакуй его!

Конь, явно сбитый с толку, и сам уже перешел на галоп. Сделал большую дугу, переходя на рысь, и остановился. Он скалил зубы, потрясая головой.

– Создание, – с неохотой проворчал он, – говорит, но я не понимаю его мысли. Будь осторожен, Даймон. Кровь твари остается кровью твари, несмотря на корону, которую оно носит.

Фрэй втянул воздух, пряча меч в ножны.

– Не нервничай. Все в порядке.

«Хотел бы и я в это верить», – подумал ангел.

Он все еще нечетко видел бестию, хотя и находился близко от нее. Она была огромной, как гора, но ее окружала дрожащая дымка и странный, замутняющий взор отблеск, который сиял, хотя казался темным.

От существа била невероятная мощь, схожая с ураганом. Даймон тихонько пытался рассчитать силу. Как у ангела Разрушения у него не было шансов, но он надеялся избежать столкновения. Он не представлял, с какой целью прибыла бестия. Обычно твари не появляются так близко от границ Вселенной. Столкнувшись с тварью, следовало рассчитывать на любой возможный вариант развития событий, поэтому Фрэй напряженно следил за размазанным пятном темного блеска, готовый отреагировать моментально. Он сжимал челюсти, и ему удавалось сохранять спокойствие, хотя внутри он дрожал. Полынь стоял неподвижно, словно статуя из черного металла, хотя Даймон чувствовал и его дрожь.

Если бы существо кинулось на них, они вынуждены были бы драться, а не убегать. Бестия без труда догонит Полынь. «Плохо дело, – подумал Фрэй. – Почему это выпало именно мне?»

Блестящая темнота вокруг твари загустела. Даймон почувствовал холодные капельки пота, стекающие по вискам. Его ждал действительно тяжелый поединок, и еще никогда до этого момента ему не приходилось сталкиваться в поединке с созданием, официально принадлежащим к высоким чинам Царства. И что с того, что bestия безумная, как мартовская химера? Даже если бы он победил, то не мог бы рассчитывать ни на что, кроме серьезных проблем.

Внезапно он дернулся, потому что мгла вокруг создания рассыпалась блестящими хлопьями. Ему многого стоило, чтобы удержать руку на луке седла и не вытянуть меч.

Он услышал вздох коня и сам застонал в душе, разглядев существо.

«Проклятье! Агнец! В недобрый час захотелось тебе, Полынь, пастушьих пастбищ».

Пушистая, белее снега овечка размером с большой холм повернула к ангелу косматую голову. Черные влажные глаза смотрели с невинным доверием. Когда она пошевелилась, на ее шее зазвенел колокольчик сладким серебристым звуком.

Даймон сглотнул слюну, а Агнец склонил голову.

– Приветствую, Разрушитель, – раздался в его голове голос, который не имел ничего общего с нежностью или мягкостью. – Ты рад?

– Некоторые вещи приносят нам радость, – начал он осторожно. – Не знаю, какую из них ты имеешь в виду.

– Я спросил, ты рад? – повторил Агнец глубоким вибрирующим шепотом, который ощущался даже на кончиках пальцев.

– Нет, – признался Даймон. – Нисколько.

– Кровь, – прошелестел шепот, – кровь и пожарище. Эти неприятности ожидаемы, однако более неожиданные, чем ваш разум может понять. Разве ты не волен радоваться, Разрушитель?

«Возможно, Царство больше бы процветало, если бы половина светлых не была безумцами», – хмуро подумал Даймон.

В это самое мгновение Агнец взорвался смехом, таким неприятным, что ангел скривился.

– Не стоит недооценивать, ангел Разрушений, слов, произнесенных с добрыми побуждениями. Ваши мысли, крылатые, как пыль на ветру. Bestия знает. Bestия чувствует. Мы несем послание радости тебе, Абаддон. Вот оно – кровь и пожарища. Не хочешь увидеть, потери будут только с твоей стороны. Мы насчитываем миллионы лет. Для нас конец едва ли интересный опыт, развлечение, которого мы не знали со времен эонов. Без страха, без печали. Страх и печаль принадлежат вам, крылатые. Я потерял время.

Агнец повернулся, а Даймон почувствовал безразличие, исходящее от последних слов. Bestия внезапно и полностью перестала им интересоваться.

– Подожди! – закричал он. – Ты сказал, что я должен увидеть. Ты хочешь мне показать?

– Сказал, – согласился Агнец. – Много вещей старался тебе показать. Не придут ли дни? Не запыхают ли ночи? Пыль на ветру – мысли крылатых.

Ангела начало охватывать беспокойство. Он попытался понять, про что говорит bestия, но в голову приходили только мрачные мысли. А тем временем Агнца снова стала окутывать мгла, он явно собрался уходить.

– Объясни мне, что случилось? Ты про что-то знаешь, что имеет значение для Царства?

Из горла bestии вырвался оглушающий рев, и Даймон услышал в голове слова, прозвучавшие так, словно в бронзовый колокол били молотом. В этот момент Агнец начал меняться. Белая шерсть начала скатываться, вылезать клочьями и превращаться в скрученный спутанный мех. Морда удлинилась и превратилась в зубастую пасть с выступающими клыками. Посреди лба выросли рога, крученые и острые. Они выглядели как семь ветвей сухого дерева, а один был сломан на половине. Налитые кровью глаза почковались на лбу bestии, она с трудом разлепила веки, покрытые липкой слизью. Глаза посмотрели на Даймона жутким взглядом мертвой рыбы. Их было семь, как и рогов. Голова торчала под странным углом, словно у твари была сломана шея.

– ЗНАЮ ЛИ Я? ВЕЩИ, КОТОРЫЕ Я ПОСТИГАЮ И ВИЖУ, ПЕРЕСЕКАЮТ ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ. ПЛАВИТСЯ ЖЕЛЕЗО В ГОРНИЛЕ, ТРЕЩИТ УГОЛЬ. НЕ ПОМОЖЕТ МЕЧ, НЕ ПОМОЖЕТ САРАНЧА, ПОГИБНУТ ТЕ, КТО ИМ ДОВЕРЯЕТ. РАЗВЕ МОРЕ КРОВИ, РУИНЫ И ПЕПЕЛ СПОСОБНЫ КРИЧАТЬ? СОЛНЦЕ КУПАЕТСЯ В КРОВИ, ПАДАЮТ ГОЛУБЫЕ БАШНИ. Я ВИЖУ! АБАДДОН, Я ВИЖУ! ЭТО ТВОЕ ВРЕМЯ! ПОРА КРОВИ И ПОЖАРИЩ. ПРИДЕТСЯ ТЕБЕ УМИРАТЬ МНОГОКРАТНО, АНГЕЛ РАЗРУШЕНИЯ. ГОВОРЮ, ЭТО ТВОЙ ЧАС, НО ПЛАТА – КРОВЬ, БОЛЬ И ПЕПЕЛИЩЕ. ТЕНЬ ЛОЖИТСЯ, О, АБАДДОН. ТЕНЬ И ТИШИНА. МЫ, БЕСТИИ, СЛЫШИМ ЕЕ. ВИДИМ ТЕНЬ И ДРОЖИМ. ДАЖЕ МЫ, КТО БЕЗ СТРАХА ПРИВЕТСТВУЕТ КОНЕЦ.

Фрэй вздрогнул. Теперь он не сомневался, о чем говорил Агнец, но не мог поверить.

– Существо не врет, – отозвался Полынь. – Оно коснулось Тени.

– Знаю, – прошептал Даймон.

Тварь медленно повернулась. Семь глаз посмотрели на ангела, из них текли кровавые слезы.

– ПОСТИГ? ПОНЯЛ, ПОЧЕМУ Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ?

Ангел кивнул.

– Постиг. А сейчас покажи мне то, что я должен увидеть.

Глава II

Во дворце все было насыщено тоном теплого темного золота, даже свет, что лил с канделябров. Зое подняла голову от бумаг, посмотрела на мозаику, украшающую стену над входом. Ангелица, одетая в длинные строгие одежды, подняла руку к потолку, наполненному звездами и солнцами. Вокруг порхали огнеглазые сильфы, застывшие в священных позах. На противоположной стене процессия саламандр с волосами, зачесанными в строгие прически, несла дары, которые складывали у стоп ангела с суровым выражением лица.

Зое вздохнула. Комната, названная мастерской, где она привыкла писать, скромная спальня, несколько соседних помещений и сад за высоким забором составляли единственный мир, в котором она чувствовала уверенность. Хотя она и знала почти весь дворец, кроме помещений для слуг и квартир джиннов, но настоящий дом был для нее тут. Земли, принадлежащие к доминиону ее госпожи, Пистис Софии, Дарительницы Знаний и Таланта, начальницы всех четырех хоров ангелов-женщин, были для Зое территориями неизведанными и полными опасностей, а все Царство казалось какой-то мистической страной, которую нужно любить, но скорее как символ, чем реальность. Конечно же ангелица знала, что мир существует, но покидала дворец так редко, что внешний мир ассоциировался у нее исключительно с туманными воспоминаниями закрытого портьерами душного паланкина. Она понимала, что существует Лимбо, окружающее Царство и представляющее что-то типа полоски ничейной земли и одновременно нижнего мира, отделяющего Небеса от Преисподней, существование самой Преисподней как резиденции Тьмы, а также территорий Вне-времени, но сама мысль о том, что когда-нибудь она могла бы посетить какое-то из этих мест, казалась ей настолько абсурдной, что даже смешно. Несмотря на это, Зое не была глупой или ограниченной. Все знания, какими она владела, она черпала из книг. Они были ее лучшими друзьями, они учили ее всему, что она должна знать про Вселенную и земли, раскрывали тайны функционирования Царства, воспевали его величие, рассказывали прекрасные истории о людях, ангелах и Боге. Благодаря им она никогда не скучала, не чувствовала одиночества. Она любила запах и шелест пергамента, точность древних гравюр, насыщенные краски иллюстраций, паутину карт. Зое любила слова, а они, благодарные за эту любовь, позволяли ей сплести и свободно нанизывать их в трогательные истории – ей, проживающей изолированно в золотых стенах дворца, словно в дорогой шкатулке. Временами ангелице казалось, что это слова управляют ею, а не она ими, но даже тогда она была счастлива. В книгах, думала она, живет прошлое. Они также определяют настоящее, потому что то, что записано, становится каким-то образом реальностью; они увековечивают момент, будучи единственной записью того, что сразу исчезнет. Они представляют нас самих, поскольку мы останемся в памяти потомков такими, какими нас описали.

Она погладила кожаный переплет лежащего перед ней на столике манускрипта. Да, книга имеет силу, и благодаря Господу она также, хоть и скромно, но причастна к расширению библиотеки Вселенной.

Погруженная в мысли Зое не заметила, когда в комнату вошла Пистис София. Начальница женских хоров глянула на нее холодными бронзовыми, словно янтарь, глазами миндалевидной формы.

– Приветствую, Зое. Надеюсь, не помешала, – сказала она.

Ангелица вздрогнула. Ошеломленная, она соскочила с места, сгибаясь в поклоне.

– Извините, госпожа. Я задумалась и не услышала, как вы вошли!

– Успокойся, дитя. Ты ничем меня не оскорбила. Ты много раз оправдана, если задумалась над новыми историями.

– Не совсем, госпожа. Тратила время на глупые размышления о книгах, когда должна была написать рассказ, чтобы развлечь вас.

София нежно улыбнулась. Она выглядела как воплощение доброты, только на дне ее зрачков жил твердый, холодный блеск. Зое смотрела на нее с благоговением, не в состоянии себе простить глупой лени, из-за которой она играла в философа, вместо того чтобы работать и развлечь Софию. Она любила свою госпожу так сильно, как и книги.

– Не вини себя, моя дорогая. Разве я могу гневаться на автора чудесных «Услышанных историй»?

– Вы слишком добры, госпожа, – прошептала растерявшаяся Зое, заглядывая ей в лицо.

Пистис София была прекрасна. Волосы, не будучи светлыми, сияли глубоким отблеском золота и были искусно уложены. Кожа также сияла золотом, слегка натянута на высоких скулах. Темные брови и миндалевидные глаза дарили ее красоте экзотичность, а прямой длинный нос и полные губы придавали лицу решительное, хотя и властное выражение. Подбородок она слегка задирала, выставляя длинную, гладкую шею. В ушах качались изысканные сережки. Она была высокой, стройной, одевалась в тяжелое золотое платье, обнажавшее безупречные плечи. Она не шла, а плыла по полу, демонстрируя лицо как ценный подарок, который согласилась представить миру.

– Присядь со мной, Зое, – сказала она, показывая на софу.

– Да, госпожа. – Ангелица послушно отошла от стола, подождала, пока София займет свое место, и скромно присела на край дивана.

– Твои рассказы и стихи я нахожу трогательными, – Пистис дотронулась ухоженными пальцами до ожерелья из рубинов. – Господь одарил тебя настоящим талантом. Это не только мое мнение. Знаешь, ты одна из самых читаемых баснописцев в Царстве? Тебя читает масса крылатых, на улицах поют песни на твои стихи. Ты можешь волновать сердца, Зое.

Она с удовлетворением заметила, как смуглые щеки ангелицы покрывает румянец. Знаменитая поэтесса опустила темные, прикрытые длинными ресницами глаза в мозаичный пол. «Отлично, – констатировала София. – Она скромная, безнадежно наивная и очень хорошенькая. Она точно подойдет».

– Если бы словами можно было лечить затвердевшие души, – протянула она с грустью. – Ах, Зое, как просто было бы тогда в мире! Столько жестокости, столько зла происходит не только в Преисподней или на Земле, но и в самом Царстве. Даже могущественные ангелы берутся за меч и марают его в крови якобы по приказу Бога. А может ли в природе Бога быть склонность к кровопролитию?

Зое почувствовала, как сердце сжимается от печали. Госпожа настолько добра, что беспокоится о вещах, с которыми так немного или вообще ничего не может сделать.

«Чудесно, – подумала София. – Малышку так проняло, что она сейчас заплачет».

– Мечи, битвы, убийства в Царстве! Сможешь ли ты это понять? Ох, Зое, не верю, что Божьи ангелы действительно стали плохими. В их душах еще можно пробудить добро! Если бы вдохнуть в них любовь, научить правде. Война недостойна Божьих посланцев. Я уверена, что в душе они это чувствуют, знают про это и терпят, выполняя свои тяжелые обязанности, во имя Бога. Твои истории такие прекрасные, такие светлые, Зое, что я наполняюсь надеждой, что кто-то такой чистый, как ты, сможет указать заблудшим душам правильный путь. Разве это не было бы настоящей победой, поступком действительно благородным, который не сравнится со слащавой славой, полученной благодаря паре изящных рифм?

– Но госпожа, – осмелилась пробормотать Зое. – Я никогда не жаждала такой славы!

– Знаю, дитя, знаю. Это не тщеславие, а просто момент слабости. Ведь ты имеешь право радоваться таланту, которым по своей доброте одарил тебя Бог, даже если он служит для развлечения и занятия мысли. Это тоже полезно. Подумай, что те, кто читает твои слова, могли бы посвятить это время не только добрым делам, но и, например, злым. В таком случае хвала тебе, что пишешь.

– Ах, госпожа, – простонала раздавленная поэтесса. – Умоляю, скажите мне, что сделать, чтобы стать действительно полезной! Я ничего не умею.

«Готова, – обрадовалась София. – Может, перегнули, может, она слишком наивна, чтобы пригодиться? Хотя ее вид должен сделать свое».

Она профессионально оценила ее овальное лицо, прямой нос и темные густые волосы. «Миленькая, нежная, покорная и очень преданная. Что ж, попробуем».

– Но дитя! О чем ты говоришь? Я знаю, что ты сделаешь все, что в твоих силах! Нельзя требовать от тебя большего! Нельзя преодолеть предел своей природы! Не отчаивайся. Выше голову. Если бы я знала, что ты так отреагируешь, не пришла бы к тебе. Не хотела тебя беспокоить, я хотела только поделиться с тобой, как с подругой, собственными тревогами. Не принимай близко к сердцу, Зое. Мне и в голову не приходило тебя порицать. Не плачь. Возвращайся к своим бумагам. Ты так красиво пишешь, моя дорогая.

Ангел разразилась слезами.

– Ах, Зое, я не хотела обидеть тебя. Пойду уже, если мой вид тебя так расстраивает.

София встала, а Зое была не в состоянии попросить ее остаться или вымолвить хоть слово, поэтому она только согнулась в прощальном поклоне. Начальница женских хоров, довольная ходом разговора, проплыла к выходу, оставив придворную поэтессу, слезы которой падали на пергамент, размазывая бесполезные буквы, не приносящие ничего хорошего стихи в уродливые, неразборчивые иероглифы.

* * *

– Быстрой, Польша, быстрее!

Свист ветра оглушал Даймона, вихрь бил в лицо, затрудняя дыхание. Конь хрипел от напряжения. Не было видно ни звезд, ни комет, только размытые полосы света.

– Давай же, кляча! Сам знаешь почему!

Польша не тратил сил на ответ, мчался через мрак.

* * *

Узиэль, адъютант Габриэля, заглянул в его кабинет.

– В чем дело? Я сказал, чтобы мне не мешали! – рявкнул архангел Откровений.

Узиэль тряхнул кобальтовыми локонами.

– Прости, но прибыл Даймон Фрэй и требует немедленной встречи. Он выглядит очень уставшим, и я не думаю, что от него удастся легко избавиться.

– Проклятье, что тебе стрельнуло в голову, чтобы от него избавляться? Я уже иду к нему. Пусть подождет в библиотеке. И дай ему что-нибудь выпить, лучше вина.

Узиэль закрыл двери.

«Сборище кретинов, – подумал Габриэль. – Как обычно. Это чудо, что Царство еще держится. Избавиться от Даймона! Господи!»

Он открыл тайный проход за занавеской с единорогами и узким коридором прошмыгнул в библиотеку.

– Приветствую, Даймон! Гарпии за тобой гнались, что ли?

Ангел Разрушения действительно выглядел очень изнуренным. Круги под глазами, на щеках грязь, черная кожаная куртка и брюки покрыты пылью. Темные волосы, заплетенные в косу, были растрепаны и полны мусора.

– Я встретил Агнца, – произнес он охрипшим голосом, который наводил на мысли об эхе в катакомбах.

– Прекрасно! Еще только этого не хватало! Но это еще не повод парализовать движение на караванном пути, мчась во весь опор, чтобы встретиться со мной. Не думаю, что это того стоило. Я тоже скучал.

– Это мило, Габриэль, что ты рад меня видеть, но какого дьявола ты отключил око? Я не мог к тебе прорваться.

– Тут кое-что случилось, когда ты уехал.

– А я кое-что видел на территориях Вне-времени, – буркнул Даймон.

– И хотел про это поговорить через око? – архангел не мог удержаться от язвительности. Фрэй посмотрел ему в глаза. Даже Габриэль немного смутился под взглядом этих бездонных, огромных зрачков, окруженных тоненькой фосфоресцирующей зеленой полоской.

– Я хотел с тобой поговорить в безопасном месте, где-то по пути.

– А что случилось?

– Агнец показал мне щель.

Габриэль подошел и положил руки на плечи ангела Разрушения.

– Послушай, я знаю, что в нормальной ситуации это очень важное дело, но тут случилась катастрофа. Украли Книгу Разиэля. Сам Разиэль атакован черной магией так, что до сих пор не пришел в себя. Извини, но в заднице я видел твою щель.

Даймон покачал головой.

– Не делай поспешных выводов, Габриэль. То, что я видел и что почувствовал, выглядит как деяния Тьмы. Агнец подошел к самой границе, чтобы вещать про события, которых я не хотел бы дожидаться.

Габриэль замахал руками, поднимая глаза к потолку.

– Психи! Одни только психи! Агнец, Серафимель! И все вещают. Успокойся, Даймон. Это безумие. Они любят вещать. И конечно же только о катастрофах. Они видят кровь, пепелища, дым, синюшные трупы, голые задницы и пустые шкатулки! Хватит с меня! Еще один вещун-псих – и я уйду в отставку.

Даймон выслушал это терпеливо, вздохнул и начал сначала.

– Послушай, я был там. Точно в щель ломится Тень. Я говорю про нападение на территории, соседствующие с Царством. Помнишь, когда в последний раз мы имели дело с Тенью?

Габриэль судорожно сглотнул. Давно, перед появлением человека, перед бунтом Люцифера. Даймон тогда еще был Рыцарем Меча, а архангелы – кучкой жаждущих власти щенков. Тогда Фрэй воевал с Тенью, с противоположностью самого Бога, Его проекцией, отраженной в вечной Тьме, и, чтобы спасти Царство, он осквернил святой предмет, Ключ к измерениям, касаться которого мог только Его Светлость. С того времени у него на руке страшный шрам в виде полумесяца, словно его правая ладонь улыбается. Он победил, открыв Бездну, куда затянуло Тень вместе с его армией. Но демиург Ялдабаот, который от имени Бога управлял тогда Царством, приговорил Даймона к смерти за святотатство. Но Бог его воскресил, сделал ангелом Разрушения с Ключом от Бездны, а архангелы свергли Ялдабаота и заняли его место. С тех пор Даймон был одновременно и живым, и мертвым, и, по пророчеству самого Бога, он единственный, кто мог удержать Тень от уничтожения мира.

– Я говорю о конце света, о днях гнева, Джибрил. Мне жаль, но в этом контексте пропавшая тетрадка, полная магических бормотаний, теряет значение.

– У тебя нет уверенности, – тихо сказал Габриэль.

– Нет. Но хватит кучи подозрений.

Скрипнули двери, и вошел ангел с вином.

– Выпей, Даймон. Ты устал. Почему не присаживаешься?

– Потому что за последние несколько дней насиделся в седле, – с кислой миной произнес ангел Разрушения.

– Ладно, что ты хочешь, чтобы я сделал?

– По крайней мере посмотри на это.

Габриэль возмутился.

– Как? Я не могу себе позволить бросить Царство хотя бы на один день.

– Используй силу и перенеси нас.

– Ты многого хочешь. У меня есть более важные дела.

Что-то зловещее засияло в бездонных зрачках Фрэя.

– Боюсь, тебя ждут дела куда важнее, Джибрил.

Габриэль вздрогнул. «Я отвергаю его потому, что не знаю, что начнется, если он не ошибается», – подумал он со страхом.

Даймон налил себе вина, посмотрел через хрусталь на рубиновую жидкость, а потом сделал большой глоток. Выпивка у Габриэля всегда была превосходной.

– Хорошо, – ответил архангел Откровений. – Покажи мне эту щель. Возьмем с собой кого-то нейтрального. Может быть, Рафаэля?

Даймон сделал еще один глоток.

– Может быть. Отличное у тебя вино, Габриэль.

* * *

Они стояли на плоском холме, где-то глубоко на территориях Вне-времени. Даймон готов был поклясться, что ни Габриэль, ни Рафаэль никогда сюда не добирались. Они оба посещали только большие города и важные места, не заморачивая себе голову остальным.

Территория выглядела дико и грязно. Степь простиралась до самого горизонта, заросшая пожухлой травой и пучками засохшего чертополоха под бледным, хмурым небом, словно накрытая перевернутой вверх дном миской. Не хватало только выбеленных ветром и временем звериных черепов и вылизанных дождем скелетов, но нигде, куда ни кинь взгляд, не было никаких следов, даже зловещих, живых тварей.

Над пустыней носился густой, тяжелый пар, невидимый, но ощутимый. Временами по траве пробегал шелест или стон, пригибавший к земле пожелтевшие стебли.

Было душно. Даймон попытался сделать глубокий вздох, но у него тут же закружилась голова. Он посмотрел на бледного как полотно Габриэля, который неглубоко дышал полуоткрытым ртом.

– Ну и что теперь скажешь?

– Плохо... Ужасная щель.

Фрэй вздохнул.

– Дело не в том, насколько она велика, а в том, что из нее исходит. Ну что, Габриэль, мы подверглись атаке Тени или у меня внезапная истерия?

– Не знаю. Господи, как у меня голова болит.

– Это из-за вибрации. Ты ее чувствуешь?

– Я не деревянный, Даймон. Через минуту сомлею. Как ты можешь спокойно стоять и болтать в этом адском потоке мрака?

Ангел Разрушения пожал плечами.

– Видимо, полутруп может.

Габриэль смутился.

– Извини. Я не хотел тебя обидеть. Суть в том... чертовски болит голова. Я забыл, что хотел сказать.

– Вот почему я боюсь, что это Тень. Я за столько лет не помню таких мощных вибраций. Она валит с ног. Ты сразу ощутил, мне тоже плохо... А где Рафаэль?

Архангел Исцеления сидел на земле, а скромное бронзовое одеяние было покрыто пылью и сухой травой. Его позеленевшее, вспотевшее лицо искривила гримаса страдания.

– Рафаэль! Господи, что с тобой? – Габриэль склонился и схватил друга за плечо.

– Пппллоооооо мне-е-е... ду-ушно, – простонал архангел, бросая на архангела Откровений измученный взгляд. Он еще попробовал что-то сказать, но ему не хватило воздуха.

Даймон слегка поднял брови.

– Как ты думаешь, какое мнение у нейтрального эксперта, Габриэль?

– Все в порядке! Я видел достаточно. Возвращаемся в Царство.

Габриэль развел руки, окружая себя и двух других архангелов радужным свечением. Фрэй почувствовал незначительное покалывание, пробегающее по коже, а на мгновение – небольшое головокружение, когда мир вокруг него свернулся и закружился. Через долю секунды они оказались на террасе дворца архангела Откровений.

Путешествие с помощью силы и слов было мгновенным и удобным способом перемещения, доступным только могущественным жителям Царства, но этим не следовало злоупотреблять, поскольку оно сильно истощало и при этом надолго оставляло след в магической структуре пространства, после чего легко можно было определить, куда направлялся путешественник. Скорость, с которой они перемещались, приводила иногда к ошибочному мнению, что ангелы могут пребывать во многих местах одновременно.

– Вина! – Габриэль хлопнул в ладоши в тот момент, как только его ноги коснулись пола. – Лучшего! Полный кувшин! Садись, Рафаэль. Тут много воздуха, сейчас тебе станет лучше.

– Ничего, – прошептал архангел Исцеления, падая в кресло.

Даймон оперся спиной на балюстраду террасы.

– Господь испарился из Царства, как вода из лужи в солнечный день. Может, эта щель появилась естественным образом и не имеет ничего общего с Тенью, но все равно вызывает сильные нарушения на нашей стороне Космоса. Не нравится мне это, Джибрил.

Габриэль развел руками.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Я не могу залепить ее. Никто из нас не справится с этой дырой. Я, скорее всего, могу усилить патрулирование этой территории. Если что-то начнет происходить, они сообщат.

Ангел Разрушения критическим взглядом посмотрел на свои грязные ногти и скривился.

– Ты принимал во внимание связь между пропажей Книги и появлением щели? – спросил он, глядя на архангела Откровений из-под прищуренных век.

Габриэль вздрогнул.

– Я предпочитаю об этом не думать.

Большие черные зрачки Даймона, казалось, не имели дна.

– Я тоже не думал бы, если бы не появился Агнец. Он не был какой-то бестией, Габриэль. Это предвестник конца.

– Не каркай, Даймон!

Ангел Разрушения улыбнулся.

– Похоже, ты прав. Я устал. Я месяц видел только пустоту, полную звезд. Все, кого там встречал, чокнутые – Полынь, существа, обслуга машин и небесных тел. Я становлюсь таким, как они, вещаю, высматриваю знаки...

Он махнул рукой.

– Мы стараемся делать все, что от нас зависит, – тихо отозвался Рафаэль из глубины кресла. – Остальное – воля Господа.

– Ну да, – буркнул Габриэль, для которого слова Рафаэля прозвучали слишком горько.

В этот момент на террасе появилась ангелица, неся вино и фужеры, а за ней мажордом с пергаментом в руках.

– Это было слишком долго, – кисло протянул Габриэль. – Мои гости готовы умереть от жажды.

Даймон охотно принял полный бокал из рук красивой женщины-ангела, а мажордом согнулся в поклоне.

– Простите, господин. Пришло письмо для Вашей Светлости.

Габриэль взял пергамент.

– Это от Пистис Софии, – сказал он, наморщив брови. – Она приглашает Даймона и меня поболтать сегодня после полудня. Чего ей, к Бездне, нужно?

Фрэй пожал плечами.

– Спроси лучше, откуда она знает, что я вернулся.

– Полцарства знает. Проносясь по главному тракту, ты парализовал караванный путь на целый час. Ты не заметил?

Даймон оскалил зубы в усмешке.

– Нет. Знаешь, я как-то спешил. Думаешь, это правда, что они говорят о Софии? Что это она отправила змея в Сад?

Габриэль крутил на пальце перстень.

– Кто знает? Это похоже на нее. Она – воплощение Божьей Мудрости, поэтому не имеет ничего общего с милосердием и порядочностью. Если только змея была в ее интересах...

– Нужно быть осторожной, чтобы в ее интересы не входило выбить нас из седла, – прервал его Фрэй. – Я не доверяю ей.

– А ты доверял бы скорпиону? – засмеялся Габриэль.

– У тебя нет доказательств против Софии, – вмешался Рафаэль. – Она никогда не противостояла нам. Всегда поступала лояльно.

– Нет, для этого она слишком мудра. – Даймон покачал головой. – Знаю, что лояльность – это товар, который быстро портится.

– Тихо, кто-то ломится к нам через око, – прошипел Габриэль. Он вытащил из кармана овальный кристалл с изображением вращающегося ока, которое мгновенно исчезло, превратившись в лицо Разиэля.

– Минуту назад я получил приглашение от Софии, – произнес архангел Тайн.

– Я тоже. И Даймон.

– Что будем делать?

– Пойдем. Лучше не игнорировать ее. Неизвестно, что она от нас хочет.

– Я не в восторге. Она что-то замышляет. Я чувствую это. Зачем, к дьяволу, ей Даймон? Она же терпеть его не может.

Габриэль пожал плечами.

– Не знаю. Встретимся перед Воротами Саламандр. Пойдем вместе, поговорим по дороге. Даймон только вернулся, я уверен, он хочет помыться и переодеться.

Ангел Разрушения энергично закивал головой.

– Все в порядке. Увидимся через два часа перед Воротами Саламандр.

Лицо Разиэля исчезло, появилось изображение ока. Габриэль спрятал кристалл.

Даймон постучал ногтем по краю бокала.

– Что-то случилось с Дарительницей Знаний и Талантов, что она захотела пригласить безжалостного полудемона, живой труп, изменника и разрушителя? Точно прикажет потом очистить полы, по которым я пройду.

– Ее враждебность к тебе – фрагмент ее публичного имиджа. Она создает впечатление ходячего добродушия, поэтому не может поддерживать ангела, выполняющего функцию разрушения. Точно так же от нее достается Думе, Алиону и даже Фалегу. Официально она тебя никогда не оскорбляла.

Даймон полез за пазуху куртки, достал папиросную бумагу, подозрительно пахнущие травы и начал делать самокрутку.

– Менее официально, за моей спиной, она окрестила меня призраком.

Габриэль вздохнул.

– Я думал, что за столько веков ты смог привыкнуть.

– Похоже, не до конца.

Архангел Откровений похлопал его по плечу.

– Не обращай внимания. Тебя это беспокоит?

Ангел Разрушения ответил кривой улыбкой.

– Не беспокоит. Злит. – Он посмотрел на свои руки, одежду и ботинки. – И я грязный.

Переоденусь, пока София не окрестила меня вдобавок еще и мусорщиком. Через два часа перед Воротами?

Габриэль кивнул.

– Пока, Рафаэль.

Рафаэль едва помахал ему. Даймон посмотрел на конец самокрутки, и в его странных глазах мигнул золотой блеск, а папироса вспыхнула, как от спички. Он сдул пламя и затаился.

– Я должен быть осторожным, чтобы не переборщить, потому что взорвется, обожжет пальцы, – буркнул он. – Держись, Габриэль.

– Ты тоже.

Спускаясь по мраморным ступеням с террасы в сад, Фрэй вспоминал ванную. «Два часа, – подумал он. – Это будет приятное купание».

* * *

Он с удовольствием отметил, что в доме царит порядок, а за время его долгого отсутствия ничего не изменилось. Он провел час в ванной, переоделся, оседлал Польшу и отправился на место встречи. Ему не нужно было спешить, поэтому он выбрал длинную дорогу через прогулочные аллеи и главную улицу Хайот ха-Кадош. Копыта коня гремели по выложенной полудрагоценными камнями мостовой, а Даймон напомнил себе, что забыл, как прекрасны высшие Небеса Царства.

Возле Ворот он увидел Разиэля. Он был замечен издали, одетый в свои любимые синие и серебряные цвета, прямо сидящий в седле, с черными волосами, заплетенными в косы.

– Какие звезды привели тебя домой, Даймон? – закричал он.

– Темные, как всегда. – Фрэй улыбнулся. Поравнявшись с Разиэлем, он сердечно обнял его. Если он и мог назвать кого-то своим другом, то именно его. Архангел Тайн выглядел помятым, но он явно приходил в норму.

– Ты слышал про Книгу? – спросил он.

Даймон кивнул.

– Дьявольская история. Ты сильно пострадал?

Разиэль горько засмеялся.

– Ох, на какое-то время кто-то погасил мой свет. Я отправил Зофиэля, надеюсь, он что-то пронюхает.

– У него есть шанс. В конце концов, он лучший шпион в Царстве.

– А я лучший маг, – буркнул Разиэль горько. – Ну, хорошо. Что у тебя?

Даймон почесал щеку.

– На территориях Вне-времени я встретил Агнца.

– Знаю, ко мне приходил Габриэль. Ты думаешь о том же, что и я, правда? Про щель и Книгу, что странным образом переплелись между собой во времени.

Зеленая линия вокруг зрачков Фрэя истончилась.

– Только в очень, очень паршивые минуты, Разиэль.

Он потянулся во внутренний карман. Вытянул помятую самокрутку и скривился.

– Мне нужно на Землю за сигаретами. Те военные, с миррой и благовониями, на вкус как полова.

В холодном блеске глаз архангела что-то мигнуло и погасло.

– Ты предложил какому-то смертному занять твою должность.

Даймон кинул на архангела Тайн взгляд из-под прикрытых век.

– Откуда знаешь?

Разиэль пожал плечами.

– Болтали какое-то время.

Губы ангела Разрушения растянулись в легкой улыбке.

– В таком случае они болтали правду. У меня был кратковременный нервный срыв. Моя работа бывает стрессовой. Я разнес несколько миров и почувствовал усталость. Естественно, из этого ничего не вышло.

– Габриэль едет, – сказал Разиэль с облегчением, потому что тема разговора оказалась щекотливее, чем он думал. Даймон через многое прошел, но его до сих пор ранили, казалось бы, совсем невинные замечания.

Архангел Откровений остановил Облако посреди улицы и помахал друзьям, чтобы они к нему присоединились. Фрэй поехал первым, кинув окурочок на землю.

– Сделай так во дворце Софии, – посоветовал Разиэль.

Даймон хищно улыбнулся.

– С удовольствием. На самые лучшие ее ковры.

* * *

Резиденция Пистис Софии состояла из нескольких огромных плоских зданий с множеством куполов, которые сияли золотом на солнце. В глазах Даймона исключительная роскошь и великолепие пробуждали скорее отвращение, чем восторг, хотя, несмотря на уйму тяжелых, монументальных украшений, трудно было отказать Софии в хорошем вкусе. Его оскорбляли чопорное, церемониальное поведение слуг, перечисление бесконечных титулов и ожидание каждый раз в других больших, выложенных мозаикой комнатах. Он чувствовал себя так, словно сидит внутри старого комода. Несмотря на размеры залов и коридоров, ему не хватало пространства.

– Я говорил, что они не будут цепляться к мечу, – буркнул он Разиэлю. – Они должны быть вежливыми и не провоцировать.

Архангел Тайн выглядел скептически настроенным.

– Прежде чем ты воспользуешься им, скрытые лучники Софии расстреляют тебя.

Даймон криво улыбнулся.

– Ты так думаешь?

– Не уверен, – ответил он с улыбкой.

Габриэль отвернулся от стены, опустил руку, которой гладил гобелен.

– Знаю, почему мне тут не нравится, – вздохнул он. – Здесь нет окон. Она заставляет себя долго ждать. Если еще раз услышу из уст очередного сгибающегося в поклонах визиря, что я – Великий Эон, регент Царства, архангел Откровений, Мести и Милосердия, то разозлюсь и порежу ее гобелены.

– Одолжить тебе меч? – вежливо предложил Фрэй.

Хлопнули открытые двери, в которых появился герольд и четыре джинна в ливреях.

– Сиятельная госпожа Пистис София, Дарительница Знаний и Таланта, приветствует достойных господ, регента Царства, Великого Эона...

– Ну нет! – раздраженно произнес Габриэль.

– ...архангела Тайн, князя Магов...

Разиэль надул губы.

– ...и Абаддона Разрушителя, ангела с Ключом от Бездны, истребителя старого порядка, Танцующего на Пепелище...

Даймон зевнул.

Герольд закончил литанию и задул в фанфары так усердно и громко, что ангел Разрушения скривился. Джинны в ливреях расступились, сгибая шеи в поклоне, а потом замерли с двух сторон от входа. В зал зашел визирь, одетый в тюрбан и одежду настолько длинную и строгую, что у него были проблемы с самыми простыми движениями.

– Уважаемые и могущественные господа, не будете ли вы так любезны переступить порог этой комнаты...

– Точно будем, – резко оборвал его Габриэль, направляясь к двери.

Даймон и Разиэль последовали за ним, бесцеремонно отпихнув визиря, который с удивлением забыл закрыть рот.

На троне, стоящем на возвышенности, сидела София в окружении придворных. Увидев ангелов, она поднялась и поплыла к ним через комнату, очаровательная, как ранний солнечный октябрь. Она была одета в золотые и бордовые одежды, расшитые сценами охоты на грифов, рубиновое кольцо и диадему на искусно уложенных волосах.

Зато ангелы были одеты демонстративно просто. Даймон надел черный костюм Ангелов Меча, состоящий из черной короткой куртки, узких брюк и высоких сапог, застегнутых на множество пряжек. Он принадлежал к этой элитной формации до того, как Бог сделал его ангелом Разрушения. Волосы он распустил так, что они свободно спадали на плечи. Разиэль оделся в любимые синие и серебряные цвета, но скромные, сшитые по моде Преисподней. Он носил короткий кафтан мага и высоко зашнурованные ботинки, как подобает чернокнижникам наивысшего уровня. Габриэль оделся полностью по-земному, в черный плащ из мягкой кожи, с разрезом сзади, чтобы не затруднял садиться в седло, узкие брюки цвета запекшейся крови и ботинки на толстой подошве.

Ни один из них не надел церемониальных придворных одежд.

– Как же я рада вас видеть! – произнесла София, разводя руки.

– Радость взаимна, – сухо ответил Габриэль, склонив голову.

София, сладко улыбаясь, подошла ближе и взяла его под руку.

– Господа, я пригласила вас выпить вина и поболтать, а заставила стоять в пустой комнате. Что вы теперь подумаете о моем гостеприимстве? Прошу за мной.

Она потащила Габриэля к выходу, провожаемая удивленными взглядами придворных и слуг.

– Красивая змея, – буркнул Даймон на ухо Разиэлю.

Высокие ботинки стучали по мраморному полу, когда неустанно бьющие поклоны джинны открывали перед ними очередные двери. София ворковала, словно голубка, а ее бронзовые глаза оставались пронзительными и холодными. Ангелы отвечали вежливо, но мимоходом. Любая информация, поданная Софии, могла быть использована против них.

Наконец Даймон почувствовал порыв насыщенного ароматом цветов воздуха, и за очередными дверями появился небольшой внутренний сад.

– Мы на месте. Тут можем говорить свободно. – Пистис послала в воздух еще один сногшибательный смех. – Прошу, садитесь вокруг фонтана.

Они присели на низких каменных лавках. Вода, льющаяся изо рта стилизованной гидры, журчала, падая по ступеням в мраморный бассейн. Тяжелые капли росы собирались на экзотических листьях бледно цветущих растений. Было слишком жарко.

Пистис захлопала в ладоши.

– Цукаты! – резко крикнула она. – И ликер!

Темноволосые золотокрылые джинны, миловидные и дикие, как прирученные хищники, подали кувшины и подносы, полные сладостей. София отправила их, махнула рукой.

– Попробуйте, прошу. Вино хорошего года. Из подвалов короля Соломона.

Даймона раздражал аромат цветов. Он чувствовал, что еще минута – и у него разболится голова. Мелкие капельки пота щекотали кожу у основания волос. Он вытер лоб рукой. Посмотрел на Разиэля, нерешительно тянущегося за кубком. Их взгляды встретились. «Сука нас, надеюсь, не отравит», – подумал он. «Не осмелится на официальном чаепитии», – архангел Тайн сделал глоток вина с таким выражением лица, словно надеялся на зверобой. Габриэль тоже взял с подноса бокал и медленно крутил его в пальцах.

– Ты презираешь вино, господин, хоть не побрезгуй, по крайней мере, сладостями, – проворковала София, подсовывая Даймону тарелку. – Хотя бы из вежливости.

– С удовольствием удовлетворю твою просьбу, – произнес он, но его улыбка не тронула глаз. – Многие я в состоянии сделать, чтобы заслужить твою милость, госпожа.

Он откусил кусочек немилосердно сладкого печенья. Карамель склеила ему пальцы. Он решил запить сладкий вкус вином. Оно имело тяжелое, пряное послевкусие. Пистис смерила его холодным бронзовым взглядом.

– Превосходно, – сказал он, показывая зубы в вызывающей улыбке.

Габриэль кашлянул.

– Меня очень радует эта встреча, госпожа, – начал он, – но поводом твоего любезного приглашения является не желание угостить нас печеньем?

Начальница женских хоров вздохнула.

– Так приятно посидеть и поговорить в милом обществе, что даже не хочется переходить к делам, наполняющим меня страхом и беспокойством. Но я понимаю, что могущественные архангелы, на плечах которых лежит вес абсолютной власти в Царстве, не имеют времени на женские пустяки.

– Это слишком большая скромность, госпожа, называть женскими пустяками управление всеми женскими хорами, – буркнул Разиэль.

– Что это по сравнению с властью над Воинством? – спросила София.

– Немного меньше обязанностей, но не возможностей, – ответил он.

Она смерила его твердым злым взглядом.

– Слабому легко бояться. Каждая мелочь наполняет страхом.

Разиэль рассмеялся.

– Уверю тебя, госпожа, что в этом саду сегодня нет никого слабее самых лучших мечей кавалерии парасим.

– И те бы затупились, столкнувшись с железным сердцем некоторых из нас, – отозвался Даймон.

София разгладила платье.

– Не вини себя за железное сердце. Угрызения совести затрудняют тебе выполнение обязанностей Танцующего на Пепелище.

Даймон встряхнул головой.

– Ты не понимаешь, госпожа. Я не осмелился бы приписывать себе незаслуженную славу в присутствии настоящего мастера.

Она закусила губы, но прежде чем она ответила, Габриэль кашлянул.

– Прости, Дарительница Знаний и Талантов, и хотя я чрезвычайно ценю прелесть садов и бассейнов, но с печалью вынужден напомнить, что управление Царством в значительной степени уменьшает время, которое я могу потратить на их созерцание.

Пистис вздохнула.

– Ну, приятные моменты слишком мимолетны. Перейдем к проблемам. Ангелы, направленные с миссией на территории Вне-времени, вернулись с беспокойной информацией о появ-

лении множества бестий. Существа направляются к Царству и вещают несчастья. Мои подчиненные были перепуганы, бедняжки! Рассказывали, что бестии прибывают со всех частей Вселенной.

Даймон и Разиэль обменялись многозначительными взглядами. Они понимали, что информация Софии исходит от ее фанатичных, отлично вышколенных шпионов. Фрэй попытался поймать взгляд Габриэля, но тот не подавал вида, что удивлен, и с кажущимся равнодушием разглядывал плюющуюся водой гидру. Правда выглядела так, что ангелы и понятия не имели о появлении других бестий, кроме Агнца. Не докладывали об этом ни гражданская, ни военная разведки, ни случайный отряд солдат. Вставал только вопрос, не блефует ли Пистис. Габриэль смотрел в ее миндалевидные хищные глаза, но ничего не смог в них разглядеть.

– Я не придавал бы этому большого значения. Бестии безумны. Думаю, что жандармерия и городская стража Царства справятся с их возможным визитом. Не бойся, госпожа, уверен, они не вторгнутся на твою территорию и не создадут проблем. Даймон, наблюдая за Софией над бокалом вина, пришел к выводу, что улыбка начальницы женских хоров с трудом маскирует гримасу ярости.

– Это прекрасно, господин, когда глава государства проявляет такую заботу о парках и городских виллах, но я имела в виду содержание пророчеств, а не возможные материальные ущербы, причиненные этими существами.

Зеленые глаза Габриэля стали холодными, словно высокогорные озера, когда он рассмеялся, откинув назад голову.

– Ну, госпожа! Мне не пришло в голову, что тебя может беспокоить болтовня этих бестий. Они же безумцы!

– Безумцы иногда правы.

Габриэль наклонился к ней.

– Именно по этой причине мы должны со страхом вслушиваться в их слова?

– Благодарю тебя, господин, – прошипела она. – Ты меня очень успокоил. Сейчас я верю, что твоя жандармерия справится даже с концом света.

– В любом случае с массовыми беспорядками, какие могут его сопровождать, – точно. Они очень хороши в подавлении восстаний.

Черты Софии ужесточились.

– Можешь нам поверить, госпожа, когда придет время Дня Гнева, все будет сделано так хорошо, как только возможно, – отозвался Даймон, в голосе которого прозвучала явная ирония.

София повернула к нему красивое лицо.

– А ты, господин, путешествуя по концам Вселенной и разрушая миры, не наткнулся на что-то беспокойное?

– Разрушение миров – всепоглощающее занятие, – пояснил он вежливо. – У меня нет возможности беспокоиться о чем-то еще, а потому все кажется мне милым, словно городской сквер. Я задумывался над этим и понял, что это такая специфика работы.

– Пониженная восприимчивость?

Он улыбнулся.

– Скорее отсутствие склонности к истерии.

– И пристрастие к кровопролитию.

Большие черные зрачки слегка сузились.

– Не замечал его у себя, особенно когда часто это именно моя кровь.

В этот момент за спиной сидящих раздался грохот чего-то твердого, падающего на мраморные плиты, окружающие фонтан. Звук был таким неожиданным, что все вздрогнули.

София резко обернулась.

– Моя дорогая! – закричала она. – Я забыла про тебя! Почему ты не вышла к нам раньше?

Смуглая, черноволосая ангелица, расстроенная настолько, что ее руки дрожали, а темный румянец заливал щеки, пыталась собрать упавший блокнот и рассыпавшиеся бумаги. Ничего у нее не получалось, потому что листки выпадали из похолодевших от волнения пальцев.

– Это Зое, – пояснила София. – Знаменитая поэтесса. Я совершенно забыла, что этот сад прилегает к ее комнатам. Бедняжка писала тут, скрытая листвой, а потом не осмелилась нас прервать. Глупышка, почему ты не показала?

Несчастливая Зое не могла ответить. Она отчаянно сгребала выпадающие страницы.

Даймон, который сидел ближе всех, поднялся, собрал страницы и вместе с блокнотом подал перепуганной поэтессе. Он посмотрел в ее темные глаза, словно в двух перепуганных зверят, которые стараются спрятаться за длинными ресницами, заметил нежный овал лица и побледневшие губы прекрасной формы. Он давно не встречал такой красивой женщины-ангела. Он улыбнулся ей, но она опустила веки. Даже не пробормотала слова благодарности.

– Ах, это автор «Услышанных историй», – произнес Разиэль. – Они произвели на меня большое впечатление. Я думал, они написаны кем-то, кто старше. Более зрелым.

– У Зое большой талант, – София кивнула головой. – Жаль, что она настолько несмелая. Садись с нами, дитя. Там, возле Даймона Фрэя. Это самая длинная лавка.

Зое присела на самом краешке, как дрозд на жердине. Даймона развлекало ее смущение, хотя он почувствовал к ней симпатию. Она была красивой, а кроме того, действительно хорошо писала, хотя в достаточно классическом, старосветском стиле. Он считал, что она заслужила место в истории литературы Царства.

– Действительно хорошие тексты, – сказал Габриэль. – Иногда напоминают мне монументальные творения самого Вретила, хотя более нежные и веселые.

– «Там нет никого, только глаза тигра, бдительные, хищные, равнодушные, как небо», – процитировал Даймон. – Разве это так весело?

Зое вздрогнула, уткнулась в мрамор под ногами, а София с удивлением посмотрела на него.

Даймон позволил себе легкую улыбку.

– Я слишком утонченный для обычного разрушителя.

– Даже во время выполнения миссии?

– Тогда я занимаюсь тем, что мне приказывают.

– Как палач?

Он строго посмотрел ей в глаза.

– Нет, как ангел Разрушения. Чего ты хочешь добиться, госпожа? Заставить меня признать, что за секунду я убью тысячу, что после меня не останется даже пепелища? Это правда. Но только в том случае, когда по приказу Бога во мне просыпается сила. В любое другое время я только обычный забияка, нарывающийся на проблемы, кровавый ублюдок, которого лучше отправить на границу Вселенной, чтобы он своей паршивой рожой не оскорблял чиновников Царства. Не отворачивайся, красавица, надежда современной поэзии! Мир сложнее, чем лабиринт комнат в этом дворце. Не так ли, Дарительница Знаний и Талантов?

Выражение лица Софии не изменилось, но где-то глубоко под маской безукоризненных черт Даймон заметил что-то похожее на триумф. Она спровоцировала его, и, с какой бы целью это ни сделала, она добилась успеха.

Он глубоко вздохнул, расслабил произвольно сжатые кулаки. Он проиграл. Бронзовые глаза хищницы дали ему это ощутить – удовлетворение от полного триумфа.

Габриэль смутился и решил, что пора сменить тему, попрощаться и уйти. Его удивил взрыв Фрэя, он не думал, что ангел Разрушения так легко поддастся Пистис. Разиэль опустил голову и посмотрел на свои пальцы. Он беспокоился за друга, нервы которого были расшатаны. «Ничего хорошего нас не ждет», – подумал он печально.

– Прости, господин, что не просвещаю тебя относительно сложности и целесообразности мира, – сказала София, наблюдая за Даймоном из-под прищуренных век, – я и сама не много знаю на эту тему.

Он кивнул головой.

– Я верю вам. Воплощенной мудрости недостаточно, чтобы понять его.

Разиэль улыбнулся. «Туше», – подумал он.

– Госпожа, к сожалению, мы вынуждены оставить твой гостеприимный дом, мы не можем занимать так долго твое ценное время. Обязанности начальницы женских хоров не позволяют тратить его на пустяки. Успокой, прошу, своих подчиненных, со стороны бестий им нечего бояться. Кто знает, может, они и не придут в Царство? В конце концов, они безумны, – произнес Габриэль с преувеличенной вежливостью. Он хотел как можно быстрее закончить эту неприятную встречу, глубоко убежденный, что с этой минуты они могут только терять очки в этой игре. С другой стороны, у него было неприятное ощущение, что они все время теряют их.

Ангелы поднялись, Пистис тоже, на лавке осталась сидеть только Зое.

– Жаль, что обязанности отзывают вас так рано, – пальцы Софии перебирали рубиновое ожерелье. – Это был прекрасный полдень.

– Точно, – произнес Габриэль с иронией. – Прощай, госпожа. Мы благодарны за угощение и за твою незаменимую компанию.

– Это я благодарю, вы успокоили мое сердце, господи.

Она улыбнулась им сладко и холодно, как стакан мороженого.

– Мой визирь вас проводит.

– Как мило, – буркнул Разиэль.

– Пусть вас оберегает Светлость, господи архангелы, – произнесла она.

– Тебя в особенности, – отозвался хриплым, беззвучным голосом Даймон.

Они вежливо поклонились, София кивнула им.

В это мгновение прибыл визирь, весь в поклонах, открыл двери. Они отправились за ним.

– Что с тобой, Даймон? – прошептал Разиэль. – Ты позорно подставился.

Фрэй провел ладонью по лицу.

– Не знаю. Нервы расшатались. Перестал владеть собой.

– Не беспокойся, – буркнул Габриэль. – У Пистис почти невозможно выиграть. Она лишена чувств. Остался только разум.

– И то сверх меры. Она манипулировала нами как хотела, – согласился с ним Разиэль.

– Мне нужно выйти отсюда, – сказал Даймон. – У меня такое впечатление, что нас закрыли в огромном, выложенном мозаикой гробу.

Визирь открыл перед ними очередные золотые двери.

* * *

Фонтан тихо журчал, цветы, как всегда, склоняли бледные, беспокойные лепестки над ее головой, но Зое утратила покой. Даже книги не давали передышку. Они казались бесцветными, лишенными смысла. Сухой шелест бумаги только раздражал. Зое не могла уже находить в них ответы на все свои печали. Не понимала, что с ней происходит. Она чувствовала странную тоску о чем-то неопределенном, внезапные приступы страха или атаки гнева. Она не могла писать. Не хотела. Стоит ли тратить жизнь на создание банальных историй? Она стремилась совершить что-то стоящее, что-то могущественное. Она удивлялась, как могла раньше чувствовать удовольствие от своей работы. И что это за работа! Рифмы, каракули! К ней являлись неизвестные до этого времени видения кровавых битв на мечах и взрывающихся планет. И лицо. Худое, с острым профилем, стиснутыми губами и глазами, как бездонные колодцы, с тонким зеленым ободком вокруг зрачков. Она не могла забыть выполненного простыми лини-

ями рисунка саламандры на его левой щеке, черных густых волос, откинутых небрежно на спину, стройную фигуру, ладони с искусными татуировками с обратной стороны и шрамом в виде полумесяца на внутренней стороне правой ладони. Абаддон, Танцующий на Пепелище. Не про него ли говорила госпожа, не его ли имела в виду, боясь кровопролития в Царстве? Зое поняла свое задание, хотя оно наполняло ее страхом и одновременно непонятным восторгом. Если бы гордость позволила ей мечтать о направлении на путь истинный кого-то такого, как Разрушитель Миров? Так или иначе, покой оставил Зое, а его место заняли неизвестные до этого времени мечты и грусть, которая с каждым днем все росла, и стены дворца уже были не в состоянии ее вместить.

Кабинет архангела Откровений был оформлен строго, но со вкусом. Темное дерево мебели гармонировало с оливковыми подушками и коврами. Интерьер украшали старательно подобранные безделушки и несколько прекрасных акварелей кисти Лабиадиэля. В углу стояла ониксовая фигура единорога, потому что Габриэль любил единорогов.

Он отвернулся от окна, выходящего в сад, и посмотрел вглубь комнаты. На столешнице орехового столика сидел Михаэль.

– Военная разведка выяснила что-нибудь касательно Книги?

Михаэль покачал головой.

– Пока ничего. У них есть несколько зацепок, и они над этим работают.

– Каких зацепок, Михаэль?

Архангел Воинства скривился.

– Общих.

– А, – буркнул Габриэль. – А что по бестиям?

– Нет их. Пистис блефовала. Даже Агнец исчез.

Архангел Откровений вздохнул, снял с пальца перстень и снова надел.

– Зачем ей это нужно было? Не понимаю, чего она хотела добиться. Встреча, которую она организовала, была бессмысленной. Многое бы я отдал, чтобы понять, зачем ей это.

Михаэль пожал плечами.

– Интригует. В конце концов ее комбинация выйдет наружу.

– Тогда может стать поздно, – хмуро произнес Габриэль.

– Справимся.

– Знаю, – буркнул архангел Откровений кисло. – Всегда останется Воинство.

Михаэль посмотрел на него с укоризной.

– Извини, Миха. Я беспокоюсь. Мне кажется, что земля горит под нашими ногами.

– Проблемы серьезные, но это еще не повод... – начал Михаэль, но его остановил настойчивый стук в дверь.

Габриэль вздрогнул. Никто без причины не осмелится стучаться в его кабинет.

– Войдите! – закричал он.

Внутри влетел запыхавшийся Узиэль.

– Габриэль! – закричал он. – На Четвертом Небе беспорядки! На Голубой площади появились бестии!

– Проклятье! – разозлился Габриэль. – Сука знала! Михаэль, идем!

* * *

Все Четвертое Небо кипело. «Бестии точно знали, где появиться», – промелькнуло в голове Габриэля. Они выбрали наивысший, доступный каждому крылатому круг, место всех важных учреждений и государственных зданий. В центре Четвертого Неба всегда было столпотворение. Сейчас улицы были забиты беспорядочно бегущей толпой, потому что часть анге-

лов, поддавшись панике, пыталась как можно быстрее оставить этот круг, а часть, ведомая любопытством, старалась добраться до центра событий.

Габриэль и Михаэль с трудом пробились через Ворота Песков, безжалостно расталкивая толпу широкой грудью скакунов. Они боялись использовать силу и перенестись сразу, потому что в городе царили большая давка и хаос.

На самой Голубой площади неразбериха достигла своего пика. Жандармерия лупила собравшихся крылатых нагайками и дровками топориков, пытаясь заставить их разойтись, а офицеры, близкие к панике, драли глотки, отдавая бессмысленные, противоречивые приказы. Над истерической разноцветной толпой возвышались головы рычащих бестий.

– Проклятье, как мы пробьемся? – выкрикнул Михаэль, с трудом удерживаясь в седле Клинка, под копыта которого кинулись несколько ангелов.

– Силой, – решил Габриэль, выдергивая ногу из захвата немолодого крылатого, оказавшегося возле его стремени. – Вперед, Облако!

Серый конь всхрапнул и, словно клин, врезался в толпу. Рыжий Клинок двинулся следом. Масса сбитых тел расступалась перед ними с проклятьями и стонами.

Наконец запыхавшийся, вспотевший Габриэль, раздавая во все стороны пинки и удары мечом плашмя, добрался до середины площади, где хозяйничали бестии. Их было две. Большая имела семь голов и широкие, словно у львов, пасти. Посреди лбов четырех из них торчали одиночные рога, остальные головы украшали по два рога, сросшиеся между собой, словно спирали. На рогах криво сидели диадемы. Кожу на морде существ украшала татуировка, состоящая из странных, неизвестных Габриэлю имен, написанных архаичным алфавитом. У одной головы со сдвоенными рогами была оторвана челюсть и разорван подбородок, но, хотя рана выглядела смертельной, бестия была жива, о чем свидетельствовали налитые кровью глаза. Тело бестии, заросшее короткой блестящей черной шерстью, наводило на мысль о гибком теле пантеры, но было длиннее и сидело на массивных лапах с огромными когтями.

Меньшая тварь передвигалась на задних лапах, стегала себя по бокам тройным хвостом, трясла головой со скрученными бараными рогами и хохотала голосом дракона. Ее свалывшаяся шерсть была цвета запылившейся латуни.

Большая тварь заметила Габриэля и повернула к нему мертвую голову. Архангел Откровений поднялся на стременах.

– Немедленно оставьте стены города, бестии! – закричал он.

– Почему? – прогрохотала басом мертвая голова, хотя голос раздался только в голове ангела.

– Вы сеете беспорядки!

– Беспорядки, смрад, пепелище, – завывала меньшая тварь, отвратительно подскакивая на лапах и обнажая до половины зубы в ужасной улыбке. – Горе, горе, смрад!

Габриэль ощутил, как им овладевает злость.

– Немедленно возвращайтесь туда, где ваше место!

– Почему? – мертвая голова мигнула огромным глазом.

– Потому что вам приказывает регент Царства, твари!

– И что?

– Регент! Регент! Пепелище и смрад! – радовалось меньшее животное.

Габриэль рассвирепел.

– Вы подчиняетесь силе Светлости, которую я сейчас представляю, вы творите безобразия в моем городе, поэтому вам следует удалиться, пока я не выгнал вас силой!

– Царство и наш дом.

– Да, но если Бог хотел, чтобы вы тут жили, он бы так и сделал!

Семь голов большой бестии закрыли глаза.

– Мы пришли в последний раз посмотреть на дом. Это было дано нам, потом мы уйдем.

Глава III

Дым стелился по земле, тяжелый и вонючий. Ветра почти не было, поэтому густой пар полз, словно больной дракон брюхом по траве. Пламя неохотно лизало стены зданий. Крики почти стихли, удавалось услышать только единичные хриплые завывания.

Каменный замок торчал посреди затухающего пепелища как-то бесстыдно нагой и грустный одновременно. Он не выполнил задание, не смог защитить жителей от смерти, от мечей и топоров. Герб, гордо выкованный над воротами, выглядел сейчас как язвительная эмблема неудовлетворенного великолепия.

Асмодей слегка натянул украшенные зеленые поводья, заставляя дракона повернуться на месте. Плавное, изящное движение животного доставило ему удовольствие. Он был доволен своим новым верховым. У дракона была маленькая, сухая голова, мелкий скелет, высоко посаженные крылья и безупречный силуэт. Легкий, небольшой, со всеми признаками благородной крови, он несся, словно вихрь, ловкий, выносливый, послушный, и к тому же любимой масти Асмодея – зелено-золотой. И его не охватывало чрезмерное возбуждение, когда он ощущал запах крови, что было отличительной особенностью боевого дракона.

Асмодей равнодушным взглядом окинул догорающий дворец и солдат в цветах Преисподней, занятых, как обычно после завершения операции, грабежом и добыванием раненых. Он повернул голову к Люциферу, сидящему рядом в седле огромного серебристого тяжелого дракона. В отличие от Асмодея, Лампочка любил могучих верховых.

– Думаешь, мы перестарались?

Люцифер пожал плечами. Владыка Преисподней был высоким и плечистым. Волосы цвета песка он носил коротко остриженными, что усиливало сходство его лица с гранитной статуей. Впечатление усиливали холодные серые глаза.

– Не думаю, – ответил он.

– Но все же ты сомневаешься, – засмеялся Асмодей, называемый из-за бесчисленных врагов Гнилым Мальчиком. Может быть, в этом определении скрывалась тень правды, хотя житель Преисподней, кроме своего юного вида, аккуратной прически и дорогих одежд, не казался женоподобным. Его окружала заслуженная слава великолепного фехтовальщика, а в битве он часто отличался какой-то самоуверенностью, иногда истерической отвагой. Фиалковые глаза, однако, смотрели пронизательно и могли холодно оценить ситуацию, а его разум идеально подходил для бесстрастных расчетов, что позволило Асмодею за короткое время взять контроль над всеми казино, борделями и всей индустрией развлечений в Преисподней и Лимбо. Кроме всего этого, он был злым, умным и испорченным до мозга костей.

– Люцик, тут дело в престиже, – добавил он. – Пойми, наконец. Мне не нравится настроение, какое в последнее время царит в Преисподней. Нам нужна была эффективная демонстрация силы.

Люцифер скривился.

– Но мы убили всех. Весь род под корень.

– Прекрасно! Никто не будет мстить. Поэтому не будет проблем.

Люцифер вздохнул. Асмодей с сожалением покачал головой, украшенной мастерски заплетенной аквамариновой косой.

– Я знаю, в чем дело, Люцик. Боишься, что скажут магнаты.

Владыка Преисподней надул губы.

– Может, немного.

Гнилой Мальчик натянул поводья, с удовольствием принуждая дракона к очередному пируэту.

– Успокойся! Попытятся, погундосят, и только. И после всего ощутят страх.

– Не знаю. Мы всего лишь разобрались с кем-то из темных, одним из нас.

– Достойная восхищения солидарность! Думаешь, кто-то из них отплатит тебе той же монетой? Бедный наивный романтик! Если ты только подвернешь ногу, они с радостью утопят тебя в смоле. Ты забыл, какой славный поступок совершил один из нас? Напомнить тебе? Он украл государственные деньги. Полбеда, если бы он сделал это тайно, дрожа от страха и пытаясь скрыть мошенничество. Но он ограбил. Напал на транспорт государственной собственности. Люцик, это беспредел! Если так будет и дальше, то мы утратим авторитет.

– Ты прав, – буркнул Люцифер. – А казна пустая.

– Потому что ее грабят, мой друг. Возьми их, наконец, за яйца. Мне не пристало.

– А ты взял бы? – спросил Люцифер.

На дне фиалковых глаз Асмодея полыхнуло холодное пламя.

– Еще как!

Люцифер потер открытой ладонью луку седла.

– Я подумаю над этим.

Асмодей улыбнулся и приподнялся в стременах.

– Сержант! – закричал он ближайшему солдату, занятому чисткой карманов умирающего. – Приведи старика!

– Да, господин!

Солдат вскочил на ноги и кинулся в сторону полыхающего замка. В мыслях Люцифера промелькнуло неприятное сомнение, а так ли ревностно сержант кинулся выполнять его приказ. Гнилой Мальчик пользовался большим уважением в армии. Даже слишком большим.

Появление двоих рядовых, волокущих за выкрученные руки узника, прервало его грустные мысли о его собственном положении. У темного было выразительное, аристократическое лицо, скривленное сейчас гримасой ненависти. Солдат кинул его, словно мешок, под лапы драконов.

– Эзазэль, – произнес Люцифер, – за действия против Преисподней и измену обязанностям своего положения ты будешь лишен дворянского титула и имущества. Законом Преисподней я приговариваю тебя к смерти.

Старый аристократ вскинул голову.

– Мой сын отомстит за меня, ублюдок Царства! – прохрипел он.

– Не думаю, – вмешался Асмодей, прищуривая красивые жестокие глаза. – Видишь ли, его голова, надетая на копьё, стала сомнительным украшением дороги, ведущей к Озеру Огня. Выглядит очень интересно в окружении голов твоих внуков.

Эзазэль завыл. Он пытался выдать какое-то проклятье, но не мог выдать ни слова. Пальцы, растопыренные словно когти, вонзились в землю.

– Да, да, – протянул Гнилой Мальчик. – И зачем было протягивать свои лапы к чужим деньгам? Не лучше ли гордо умирать от голода или заняться честным бизнесом? Времена сейчас благоволят изворотливым. Повесить этого негодяя! – крикнул он солдатам. – Обезглавливание слишком благородно для него. Можете ему перед этим отрезать руки, если хотите.

– Да, господин! – выкрикнули они в один голос.

Люцифер закусил губу. Он не отозвался, пока они не остались одни.

– Тебе не кажется, что я должен отдавать приказы?

Асмодей показал в улыбке ровные острые зубы.

– Естественно, только ты бы не отдал его в такой форме.

Люцифер улыбнулся.

– Ты прав. Я стал слишком мягким.

– Результат дворцовой жизни. Роскошь деморализует, Люцик.

– Кто бы говорил! – фыркнул Владыка Преисподней.

Гнилой Мальчик захохотал.

– Но я беспощадный, как сталь. В принципе, ты можешь не смотреть на экзекуцию. Твое положение этого не требует.

– И не собирался, – буркнул Люцифер, разворачивая дракона в сторону города.

– Эй! – крикнул Асмодей – Посоревнуемся! К Воротам Крови, но только по земле. Никакого полета. Ставка – твоё кольцо власти!

Он тронул дракона пятками и помчался вперед, как зелено-золотая молния.

– Не видать тебе перстня! – рявкнул за его спиной Люцифер, стегая верхового. – Вперед, Грот!

Серебряный дракон зарычал и кинулся в погоню за зеленым.

Солдаты закидывали на сук веревку.

* * *

Зофиэля распирала радость. Новости, которые он нес архангелам, были по всем меркам благоприятными. Он нашел Книгу. Это заняло у него много времени и усилий, но это окупилось. Он с большой уверенностью знал, что потеря находится во дворце Тератела. И что, главное, он видел ее там собственными глазами. Он не раз рисковал жизнью для добра Царства, но сейчас задание принадлежало к абсолютно опасным.

Терател, высокий чиновник хора Господства, известен своими анархическими взглядами. Он постулировал всеобщую свободу и образование, намеревался уничтожить небесную иерархию, всем и каждому говорил, что ангелы равны. И что хуже, он скидывал в один мешок не только светлых, ангельскую аристократию, вместе с самыми недостойными ангелами служения, но и засунул туда действительно низших существ: гениев, саламандр, сальфов и джиннов. К тому же у него была сильная мания преследования, он вбил себе в голову несколько покушений на свою жизнь, он кричал о притеснениях и дискриминации и в заключение укрепил свой дворец лучше, чем сокровищницу Царства. А теперь он украл Книгу Разиэля. Зофиэль вздрогнул, когда вспомнил опасности, что ему пришлось преодолеть. Когда он с трудом узнал, где спрятана Книга, ему осталось втереться в доверие к сторонникам и самому Терателу. Он стелился перед ними, поддакивал, провозглашал ужасные и богохульные, по его мнению, речи, дрожал, что в случае малейшей ошибки слуги накормят им адских церберов, специально привезенных из Преисподней. Ночами его терзали кошмары, в которых он погибал, пережеванный огромными пастями. Наконец он втерся в доверие к Терателу, а тот похвастался перед ним украденной Книгой, выкрикивая, что благодаря заклинаниям наведет, наконец, порядок в Царстве. Зофиэль усмехнулся. Возвращение истинного порядка возможно благодаря таким, казалось бы, неприметным личностям, как он. Не зря он носил имя, которое означает «шпион Бога». Он понимал, что многие презирали шпионаж и тех, кто им занимался, но он был далек от того, чтобы принимать это близко к сердцу. Его работа, может, и не принадлежала к возвышенной, но он выполнял ее во славу Царства, а Царство имело с этого определенную пользу. Так, как сейчас.

Зофиэль с облегчением вздохнул. Уже нет проблем, задание позади. Он отнесет новости архангелам, а они поступят так, как сочтут нужным. Легко и радостно «шпион Бога» возвращался в любимое Царство.

* * *

Даймон стучал ногтем по зубу.

– Терател, – произнес он задумчиво. – Некоторые его мысли имеют смысл, но остальное буффонада. Меня удивляет, что ему хватило отваги свистнуть Книгу. Я всегда считал его позером, рассчитывающим на популярность. Может, им кто-то манипулирует?

– Неважно! – Габриэль махнул рукой. Взволнованный, он быстрыми шагами мерил комнату. – Узнаем позже. Сейчас важно, что Книга нашлась.

– И сейчас она надежно закрыта в сейфе Тератела, – остудил его энтузиазм Разиэль, развалившись в большом кожаном кресле и закинув ногу на ногу.

– И что с того? Никаких проблем! – Михаэль, сидевший на столе, качал в воздухе тяжелым ботинком. – Отправлю парочку мальчиков, и завтра они принесут желаемый томик.

– Нет, мы не можем послать против него регулярные войска, – запротестовал Габриэль.

– Почему это? – фыркнул Михаэль.

Даймон стряхнул пылинку с воротника.

– Потому что он свободный обитатель Царства и член хора Господства, Миха, – ответил он.

– Он украл Книгу, а значит, стал злодеем и предателем.

Фрэй поднял брови.

– Хорошо, а какие у тебя доказательства?

– А Зофиэль? – ляпнул Михаэль, но тут же спохватился.

– Ты хочешь спалить одного из лучших шпионов? – буркнул с состраданием Разиэль.

– Проклятье, забыл.

– Попробуем его вежливо попросить, может, он уступит, если мы обратимся к межангельскому братству, – зубоскалил Даймон.

– Скорее – перепродаст. Он увяз в долгах, – подхватил Князь Магов. – Кто достаточно ловкий, чтобы попытаться договориться?

– Проклятье! – прошипел Габриэль. – Не валяй дурака! Он действительно может продать эту гребаную Книгу в еще худшие руки.

Михаэль, хмурясь, потирал щеку.

– Забрать мы ее не можем, тогда что делаем? Будем шантажировать? Он сразу же начнет кричать об этом на все Царство.

Большие зрачки Даймона сузились.

– Секунду, – начал он, а его хриплый голос зловеще прозвучал, как из могилы. – Кто сказал, что мы не можем ее отобрать? Войска мы не можем использовать, но ведь остаются еще спецотряды.

– Точно! – Михаэль ударил кулаком об стол.

Габриэль резко остановился.

– Рискованно. Но соблазнительно. Кого ты имеешь в виду?

Губы Даймона искривила усмешка.

– Шеолитов.

– Коммандос Шеол? Они не существуют! Уцелели лишь единицы.

Фрэй кивнул.

– И они лучшие, если выжили.

– Хорошая идея, – Разиэль ткнул пальцем в Габриэля. – Формально они не существуют, то есть нам ничего нельзя предъявить. Если они провалятся, мы будем вынуждены отрицать все, и никто не докажет, что мы имели к этому отношение. Официальные войска Царства не будут принимать в этом участия.

– В этом есть какой-то смысл, – согласился Габриэль. – Рассмотрим его. Узиэль вызовет к нам Алимона.

– Я хочу пойти с ними, Джибрил, – произнес Даймон. Архангел Откровений вздохнул.

– С ума сошел, Абаддон? Мы все знаем, что ты можешь пойти даже один, но мы должны сохранять анонимность. Тебя узнают, Даймон. Чтобы ты ни делал, как бы ни переоделся, магически или обычно. Понимаешь? Миха тоже хотел бы принять в этом участие, и даже я и Разиэль. Но это невыполнимо.

Даймон закусил губу.

– Мы должны сидеть на задницах и ждать, да? Как трусы или старики?

– Ага. Именно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.